

МАРГАРИТА ФУАРО

НЕНУЖНАЯ
ЖЕНА

ЗВЁЗДНОГО КОМАНДУЮЩЕГО

Маргарита Фуаро Ненужная Жена Звёздного Командующего

<https://litres.ru/74496453>

Аннотация

Вера Соколова думала, что худшее в её жизни - предательство мужа и угроза потерять дочь. Но после аварии она просыпается в чужом теле, на далёкой планете Астерра, где её зовут Лирой Арден.

Лира - жена верховного командующего Каэля Рэйда. Женщина, которую ненавидит весь город. Предательница, из-за которой погибли тысячи.

Каэль не верит ни одному её слову. Для него она - опасность, преступница и ключ к древнему кораблю, веками молчавшему над планетой.

Но Вера не помнит измены. Она помнит только Землю, дождь, фары и маленькую дочь Киру, которую обещала никому не отдавать.

Теперь ей предстоит выжить среди врагов, раскрыть тайну Лире, не стать оружием в руках Совета и доказать главному человеку этого мира: она не ключ.

Она - человек.

Содержание

Глава 1. Подпиши развод	4
Глава 2. Ненужная жена	15
Глава 3. Ключ, который нельзя казнить	30
Глава 4. Чужое тело	46
Глава 5. Дом, который ненавидит	58
Глава 6. Медицинский осмотр	71
Глава 7. Стена Памяти	85
Глава 8. Сделка с врагом	97
Глава 9. Посланник Совета	113
Глава 10. Первая попытка побега	129
Глава 11. Нижний ярус	143
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Глава 1. Подпиши развод

Павел положил документы на стол так аккуратно, будто ставил чашку с чаем.

Ни злости. Ни спешки. Ни вины.

Просто тонкая папка с синим зажимом, две ручки рядом и его ровный голос:

— Вера, давай без сцен.

Она смотрела не на папку. На его руку. На безымянный палец, где ещё утром было кольцо. Сейчас на коже осталась только светлая полоска.

Странно. Семь лет брака — и в итоге от них осталась полоска.

— Без сцен? — переспросила она.

Павел вздохнул. Не устало даже — терпеливо. Как взрослый человек вздыхает рядом с ребёнком, который никак не может понять простую вещь.

— Да. Без истерик, обвинений и драматических фраз. Мы оба взрослые люди.

Вера усмехнулась. Тихо, почти беззвучно. В горле стоял ком, но смех всё равно вырвался. Нелепый, сухой.

На кухне пахло кофе, мокрой шерстью от её пальто и чужими духами.

Сладкими. Дорогими. Совсем не её.

Этот запах держался в квартире уже третий день. На по-

душке в гостевой комнате. На полотенце в ванной. На Павловой рубашке, которую он сегодня даже не потрудился спрятать в корзину.

Вера сначала убеждала себя, что ей кажется. Потом — что это коллега обняла его на корпоративе. Потом — что она просто устала.

Павел всегда говорил, что она слишком много додумывает.

Теперь на столе лежали документы, и додумывать больше было нечего.

— Ты давно всё подготовил? — спросила она.

— Достаточно давно, чтобы сделать это спокойно.

Спокойно.

Как будто речь шла о продаже старого шкафа.

Вера медленно вытерла ладони о джинсы. Пальцы были холодные. Очень холодные, хотя в квартире работало отопление.

— А Кира?

При имени дочери Павел чуть отвёл взгляд. На секунду. Потом снова посмотрел прямо.

— Вот поэтому я и хочу, чтобы мы всё решили цивилизованно.

Вера почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

Не громко. Не больно сразу. Просто — щёлкнуло.

— Что значит “цивилизованно”?

Павел подвинул к ней папку.

— Я предлагаю временно определить место проживания Киры со мной.

Вера моргнула.

Один раз. Второй.

Слова не сразу сложились в смысл.

— Что?

— Вера, ты сейчас нестабильна.

Она отодвинулась от стола, будто папка могла обжечь.

— Я нестабильна?

— Ты сама себя слышишь? — Павел говорил всё тем же ровным тоном. — Последние месяцы ты постоянно на нервах. Срываешься, плачешь, не спишь. Кира всё это видит.

— Потому что ты мне врал.

— Не начинай.

— Потому что ты приводил её сюда?

Он помолчал.

И этого молчания хватило.

Вера вцепилась пальцами в край стола. Перед глазами на секунду поплыло. Кухня, белая плитка, чашка с недопитым кофе, магнитик с моря, который Кира привезла прошлым летом. Маленький розовый крабик держался на холодильнике криво, на одном слабом магните.

Кира тогда сказала: “Мама, если он упадёт, значит, море зовёт нас обратно”.

Крабик не падал.

Всё остальное — да.

— Ты приводил её сюда, — повторила Вера. Уже тише.

— Это не имеет отношения к делу.

— В нашу квартиру.

— Формально квартира оформлена на меня.

Она посмотрела на него.

Вот теперь он наконец сказал честно.

Не “наш дом”. Не “семья”. Не “мы решим”.

Оформлена на меня.

— Понятно.

Павел снова вздохнул. Он даже выглядел расстроенным.

Не виноватым — именно расстроенным, что разговор идёт не так удобно, как он рассчитывал.

— Вера, я не запрещаю тебе видеть Киру. Я просто хочу, чтобы у ребёнка была стабильность.

— Стабильность — это когда отец месяцами врёт её матери?

— Стабильность — это когда мать не устраивает сцены при ребёнке.

— Я при ней не устраивала сцен.

— Пока нет.

Он достал из папки ещё один лист.

Вера не сразу поняла, что видит. Характеристика от школьного психолога. Выписки. Какие-то распечатанные сообщения. Её сообщения. Обрезанные так, чтобы она выглядела истеричной.

“Я больше так не могу”.

“Ты меня уничтожаешь”.

“Не забирай у меня Киру”.

Она вспомнила, как писала это ночью, сидя на полу в ванной, чтобы дочь не слышала. Павел тогда не отвечал. Просто собирал.

Собирал её боль как доказательства.

— Ты совсем... — Вера не договорила.

Слова закончились.

Павел положил ладонь поверх документов.

— Я не хочу войны. Но если ты начнёшь, мне придётся защищать ребёнка.

Ребёнка.

Не нашу дочь.

Ребёнка.

Телефон на столе коротко дрогнул. Экран вспыхнул.

Кира.

Вера потянулась к телефону, но Павел оказался быстрее. Он даже не взял его — просто накрыл экран ладонью.

— Сначала подпиши.

Вера медленно подняла на него глаза.

— Убери руку.

— Не надо сейчас разговаривать с ней в таком состоянии.

— Убери руку от моего телефона.

Голос сорвался, стал чужим. Резким. Павел чуть поморщился, будто она подтвердила всё, что он о ней написал.

— Вот об этом я и говорю.

Вера резко встала. Стул ударился о стену. На кухне стало слишком тесно. Воздуха не хватало. Чужие духи лезли в горло, сладкие, липкие, тошнотворные.

Она схватила телефон. Павел не удерживал. Только посмотрел с таким усталым превосходством, что ей захотелось швырнуть в него папку. Не потому, что помогло бы. Просто чтобы хоть что-то разбилось снаружи, а не внутри.

На экране было сообщение от Киры:

“Мама, ты скоро? Я нарисовала тебе ракету. Мы полетим туда, где никто не ругается?”

Вера прочитала. Один раз. Второй.

Буквы поплыли.

Она прижала телефон к груди.

— Я заберу её сегодня.

— Нет.

Так просто.

Одно слово.

Как дверь перед лицом.

— Ты не можешь мне запретить.

— Сегодня — могу. Она у моей матери. И я предупредил, чтобы тебя не пускали, пока мы всё не обсудим спокойно.

Вера даже не сразу поняла, что он сказал.

— Ты... что сделал?

— Я поступил как отец.

И вот тогда ей стало страшно по-настоящему.

Не больно. Не обидно. Страшно.

Потому что перед ней сидел человек, с которым она засыпала рядом семь лет. Человек, которому она доверяла дочь, документы, счета, пароли, слабость, усталость, своё некрасивое утреннее лицо, свои страхи.

И этот человек уже давно воевал против неё.

Тихо. Аккуратно. Спокойно.

Павел поднял ручку и положил поверх папки.

— Подпиши развод, Вера. Не делай хуже.

Она посмотрела на ручку.

Потом на него.

— Хуже для кого?

Впервые за весь разговор его лицо изменилось. Совсем немного. В уголках губ появилась жёсткость.

— Для себя.

Вера взяла пальто со спинки стула. Руки дрожали так сильно, что рукав не сразу нашёлся. Она надела ботинки, не застегнув молнию. Телефон с сообщением Киры был зажат в ладони.

— Куда ты?

— За дочерью.

— Вера.

Она уже открыла дверь.

— Вера, остановись.

Она вышла на лестничную площадку.

За спиной Павел сказал громче:

— Ты и так всё проиграла.

Дверь закрылась.

Не хлопнула. Просто щёлкнул замок.

В подъезде пахло сыростью и чьим-то ужином. На третьем этаже плакал ребёнок. Где-то за стеной работал телевизор. Всё было обычным, слишком обычным для момента, когда у тебя забирают жизнь.

На улице шёл дождь.

Мелкий, холодный, ноябрьский. Он сразу забрался под воротник, в волосы, за шиворот. Вера пошла быстро, почти бегом, не разбирая дороги. Ей надо было добраться до машины. Доехать до свекрови. Увидеть Киру. Обнять. Сказать, что мама рядом. Что никто никуда её не заберёт.

Телефон снова зазвонил.

Павел.

Она сбросила.

Он позвонил снова.

Она остановилась у пешеходного перехода. Машины шли плотным потоком, фары размазывались по мокрому асфальту. Дождь стекал по лицу, и уже было непонятно, плачет она или нет.

Телефон продолжал вибрировать.

Вера ответила.

— Не звони мне.

— Ты сейчас совершаешь ошибку, — сказал Павел. Даже через телефон его голос оставался ровным. — Если ты приедешь к моей матери в таком состоянии, я вызову полицию.

— Попробуй.

— Вера, послушай себя.

— Нет. Это ты меня послушай. Я не подпишу ничего, пока не увижу дочь.

Пауза.

Потом он сказал тихо:

— Не делай хуже. Ты и так всё проиграла.

Светофор сменился.

Вера шагнула вперёд.

В этот момент из-за поворота вылетела машина.

Она увидела только белый свет. Слишком яркий. Слишком близкий.

Кто-то закричал.

Телефон выскользнул из пальцев.

На мокром асфальте вспыхнул экран. Сообщение Киры всё ещё светилось:

“Мама, ты скоро?”

Вера хотела ответить.

Хотела сказать: “Скоро, маленькая. Я уже иду”.

Но тело вдруг стало лёгким, как будто его больше не держала земля.

Боли почти не было.

Только удар. Холод. Дождь на губах.

И чья-то далёкая фраза:

— Женщина меня слышит? Эй! Не закрывайте глаза!

Она пыталась не закрывать.

Правда пыталась.

Перед глазами плыло лицо Киры — смешная чёлка, звёздочки на пижаме, рисунок ракеты. Потом кухня. Папка. Рука Павла на её телефоне.

Нет.

Нет, я не проиграла.

Я ещё не...

Темнота пришла не сразу.

Сначала исчез шум машин. Потом дождь. Потом холод.

А потом стало тихо.

Так тихо, будто мир выключили.

Она очнулась от холода.

Не от боли. Не от голосов. От холода под щекой.

Вера вдохнула — и закашлялась.

Воздух был странный. Резкий. Пах лекарствами, металлом и чем-то горьким, как озон после грозы. Под пальцами был не асфальт. Не больничная простыня. Не плитка подъезда.

Металл.

Ледяной, гладкий металл.

Она попыталась подняться, но тело не послушалось. Руки дрожали. В голове шумело. Где-то над виском что-то пульсировало, будто под кожу вставили раскалённую иглу.

Вокруг говорили.

Голоса были чужими. Слова — непонятными. Резкими, ломаными, будто кто-то включил радио между станциями.

— ...протокол... нестабильна...

— ...трибунал...

— ...командующий...

Вера открыла глаза.

Над ней был не потолок больницы.

Высоко-высоко уходили тёмные стены, пересечённые тонкими синими линиями света. Воздух дрожал от тихого гула. Рядом стояли люди в чёрной форме. Не врачи. Не полицейские. На их плечах мерцали холодные знаки, похожие на осколки звёзд.

Она хотела спросить, где она.

Но из горла вышел только хрип.

Люди расступились.

К ней подошёл мужчина.

Высокий. В чёрной форме с жёстким воротом. Лицо резкое, неподвижное, красивое так, как бывает красивым нож — пока он лежит на столе и ещё никого не коснулся. У виска под кожей слабо светилась тонкая синяя линия.

Он смотрел на неё без облегчения.

Без жалости.

Так, будто её пробуждение было плохой новостью.

Вера попыталась отползти, но ладонь скользнула по металлу.

Мужчина остановился рядом. Его голос прозвучал ровно, холодно, почти устало:

— Очнулась. Жаль.

Глава 2. Ненужная жена

— Очнулась. Жаль.

Вера моргнула.

Сначала она решила, что ослышалась. После аварии люди не говорят так. После аварии спрашивают: “Вы меня слышите?” или “Где болит?”. В крайнем случае кричат, зовут врачей, суетятся.

Этот мужчина не суетился.

Он стоял рядом, высокий, в чёрной форме, и смотрел на неё так, будто она не выжила, а испортила ему тщательно составленный план.

Вера попыталась вдохнуть глубже — и снова закашлялась. Воздух резал горло. Пахло лекарствами, холодным металлом и озоном, как после удара молнии.

— Где... — язык не сразу послушался. — Где я?

Мужчина слегка повернул голову.

Кто-то за его плечом произнёс несколько резких слов. Вера не поняла ни звука. Будто язык был человеческий, но все буквы в нём переломали и сложили заново.

В виске вспыхнула боль.

Она вскрикнула и прижала ладонь к голове.

Перед глазами на секунду всплыли странные полупрозрачные символы. Они дрожали, рассыпались, снова складывались. Внутри черепа что-то щёлкнуло — тонко, неприятно.

но.

И чужая речь вдруг стала понятной.

Не полностью. С обрывами. С задержкой. Но смысл начал проступать.

— ...нейроперевод нестабилен, — сказал кто-то справа.

— Повреждение после перегрузки.

— Она симулировала и не такое, — бросил другой голос.

Вера повернула голову.

Рядом стоял мужчина шире первого, с тяжёлым прямым взглядом. На лице — шрам у губы. Одна рука была неестественно неподвижной, словно под перчаткой скрывался металл. Он смотрел на неё с такой ненавистью, что Вера невольно отодвинулась.

Тело плохо слушалось.

Чужое.

Эта мысль пришла внезапно и ударила сильнее боли.

Вера посмотрела на свои руки.

Тонкие пальцы. Бледная кожа. На запястье — слабая золотистая линия, будто под кожей тлела тонкая нить света. Ногти короткие, аккуратные, не её. Кольца не было. На ладони — маленький шрам, которого раньше не было.

Не её рука.

Она резко села.

Голова закружилась. Пол ушёл куда-то вбок. Двое людей в форме сразу шагнули к ней.

— Не трогайте! — Вера выставила руку.

Они замерли не потому, что испугались. Потому что мужчина в чёрной форме поднял ладонь.

Один жест — и все остановились.

Вера сглотнула.

— Кто вы? Где моя дочь?

При слове “дочь” мужчина чуть прищурился. Совсем немного, но она заметила.

— Достаточно, Лира.

Это имя прозвучало как удар.

— Я не Лира.

Он посмотрел на неё без малейшего удивления.

— Конечно.

— Я не Лира, — повторила Вера громче. — Меня зовут Вера. Вера Соколова. Я... я попала в аварию. Я переходила дорогу. Там была машина. Телефон... Кира...

Голос сорвался.

Она вдруг ясно вспомнила экран на мокром асфальте.

“Мама, ты скоро?”

Вера судорожно вдохнула.

— Мне нужно позвонить. Где мой телефон?

Мужчина молчал.

Тот, со шрамом, усмехнулся коротко и зло.

— Телефон, командующий. Новая версия.

Командующий.

Слово не сразу закрепилось в голове. Оно было слишком чужим. Слишком большим для комнаты, где она сидела на

ледяном полу в неизвестной одежде и пыталась понять, почему её тело ей не принадлежит.

Вера посмотрела на мужчину в чёрном.

— Вы врач?

— Нет.

— Тогда позовите врача.

— Он уже здесь.

Из-за спины командующего вышел третий мужчина. Светлая форма, почти белая. Худой, высокий, с очень спокойным лицом и глазами человека, который привык замечать всё. Он присел рядом, но не слишком близко.

— Леди Арден, — сказал он мягче остальных. — Посмотрите на меня.

— Я не леди Арден.

— Хорошо, — кивнул он так, будто это не имело значения. — Как вас зовут?

— Вера.

— Полное имя?

— Вера Соколова.

Он не улыбнулся. Не сказал, что она бредит. Просто перевёл взгляд на её зрачки, потом на дрожащие пальцы.

— Возраст?

— Тридцать четыре.

Мужчина в белой форме замер на долю секунды.

— Тело Лиры Арден — двадцать семь стандартных лет, — сказал он тихо.

Тело.

Вера почувствовала, как холод поднимается от пола выше, к груди.

— Что значит “тело”?

Командующий резко посмотрел на врача.

Тот поднялся.

— Нейросдвиг возможен после перегрузки, но...

— Но? — спросил командующий.

Врач помолчал.

— Реакции не совпадают.

Тот, со шрамом, шагнул ближе.

— Не совпадают? Она всегда умела играть. Особенно когда пахло трибуналом.

Трибунал.

Вера ухватила за это слово.

— Какой трибунал?

Командующий наконец снова посмотрел на неё.

Его глаза были серыми. Не просто холодными — пустыми, как зимнее небо перед снегом. Красивое лицо, но в нём не было ни жалости, ни сомнения.

— Через час вы предстанете перед военным трибуналом Астерры.

Вера медленно покачала головой.

— Нет. Нет, вы ошиблись. Я не...

— Вам предъявлены обвинения в государственной измене, передаче военных кодов врагу, гибели седьмой эскадры

и содействии атаке на гражданские сектора.

Слова падали одно за другим.

Государственная измена.

Военные коды.

Гибель.

Эскадра.

Вера слушала и не могла связать это с собой. Она ещё час назад стояла на мокрой улице. Ещё час назад Павел говорил, что она всё проиграла. Ещё час назад её дочь ждала рисунок с ракетой.

А теперь какой-то чужой мужчина объявлял ей военный трибунал.

— Я никого не убивала, — прошептала она.

Мужчина со шрамом резко шагнул вперёд.

— Скажи это семьям погибших.

Вера вздрогнула.

Командующий даже не повернулся к нему, но произнёс:

— Нокс.

Одно слово. Тот сразу остановился, хотя было видно — ему стоило усилия не сорваться.

Нокс.

Значит, его звали Нокс.

Вера запомнила не потому, что хотела. Просто страх иногда делает память острой.

— Послушайте, — она попыталась подняться, но ноги подогнулись. — Я не понимаю, что происходит. Я не знаю, кто

такая Лира. Я не знаю, кто вы. Мне нужно домой. Мне нужно к дочери.

Командующий подошёл ближе.

Она невольно отпрянула.

Он заметил.

Его лицо не изменилось, но взгляд стал чуть внимательнее.

— Домой? — спросил он.

— Да.

— Ваш дом уничтожил доверие этой планеты.

— Это не мой дом!

— Ваше имя — Лира Арден.

— Нет!

Она крикнула слишком громко. В комнате стало тихо.

Гул в стенах будто усилился.

Вера тяжело дышала. Сердце било в рёбра изнутри. Слишком быстро. Слишком больно. Это сердце тоже было чужим, но страх в нём был её.

— Я Вера, — сказала она уже тише. — Я не знаю вашу Лиру. Я не знаю вашу Астерру. Я не знаю, почему вы все на меня так смотрите. Я умерла... кажется. Там была машина. Дождь. Моя дочь...

Она замолчала, потому что поняла: чем больше говорит, тем хуже звучит.

Нокс смотрел на неё с открытым презрением.

Врач — с тревожным интересом.

Командующий — так, будто решал, какую часть её слов можно использовать против неё.

— Элиан, — сказал он.

Врач чуть повернулся.

— Да, командующий.

— Она транспортабельна?

Вера резко подняла голову.

— Что?

— Состояние нестабильное, — ответил Элиан. — Но до зала трибунала дойдёт. С поддержкой.

— Нет, — сказала Вера. — Я никуда не пойду.

Нокс усмехнулся.

— Пойдёте.

— Не трогайте меня.

Он наклонился ближе. От него пахло металлом и чем-то горелым.

— Слишком поздно вспоминать о неприкосновенности, леди Арден.

Эти слова должны были быть официальными. Вежливыми даже. Но в его голосе “леди” прозвучало хуже оскорбления.

Вера попыталась встать сама.

Ноги не удержали.

Она бы упала, если бы её не схватили за локоть.

Командующий.

Его рука была в чёрной перчатке. Захват крепкий, точный, без грубости — и всё равно Вере стало так страшно,

что перед глазами вспыхнула кухня. Павел. Его ладонь на её телефоне.

“Сначала подпиши.”

Она резко дёрнулась.

— Отпустите!

Командующий отпустил сразу.

Слишком сразу.

Будто прикосновение было неприятно и ему тоже.

Вера пошатнулась, но удержалась. Перед ней была тёмная металлическая панель, гладкая, как зеркало. И в ней отражалась женщина.

Не она.

Незнакомка с бледным лицом, тёмными спутанными волосами и огромными серо-зелёными глазами. Вокруг зрачков мерцали крошечные золотые точки. На шее — тонкий след, похожий на ожог от ошейника. Губы разбиты. Щека в синяке.

Вера подняла руку.

Женщина в отражении подняла руку тоже.

Нет.

Это невозможно.

Она коснулась своего лица. Скулы острее. Кожа холоднее. Волосы длиннее. Даже дыхание другое — слабое, неглубокое.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, нет, нет...

Внутри что-то качнулось.

На миг перед глазами вспыхнул не этот зал, а другой коридор. Белый пол. Кровь. Мужская рука на её запястье. Чужой голос, низкий и страшно близкий:

“Ты не должна была выжить.”

Вера вскрикнула и отступила.

Элиан шагнул к ней.

— Что вы увидели?

— Ничего.

— Леди Арден...

— Ничего!

Она не хотела говорить им. Не хотела отдавать даже этот ужас. Он был не её, но уже жил в её голове.

Командующий смотрел на неё внимательнее, чем прежде.

— Вы помните коридор?

Вера замерла.

— Какой коридор?

— Белый.

У неё похолодели пальцы.

Он знал.

Он видел по её лицу.

Нокс резко выдохнул.

— Командующий, это спектакль.

— Я не спрашивал.

Нокс замолчал, но ненависть в его глазах стала только тяжелее.

Элиан тихо сказал:

— Нужно проверить имплант до трибунала. Если там повреждение памяти...

— После, — отрезал командующий.

— Если она не симулирует, то сейчас любое давление может усилить распад личности.

— Личность Лиры Арден давно доказала свою ценность.

Вера не сразу поняла смысл. Потом поняла.

Никакую.

Она посмотрела на него.

— Вы правда меня ненавидите.

Командующий не ответил.

И это было хуже ответа.

Вера вдруг почувствовала странную пустоту. Её ещё не били. Не пытали. Не допрашивали по-настоящему. Но всё уже было решено.

В своём мире Павел собрал документы заранее.

Здесь этот человек тоже уже вынес приговор.

Только вместо папки на кухонном столе — военный трибунал. Вместо суда за дочь — суд за чужую войну. Вместо Павла — командующий, которому достаточно одного жеста, чтобы все вокруг подчинились.

Она снова стала женщиной, о которой все всё решили без неё.

— Я не пойду, — сказала Вера.

Голос дрожал, но она всё равно сказала.

Командующий чуть наклонил голову.

— Пойдёте.

— Нет.

— Это не просьба.

И снова кухня. Павел. “Сначала подпиши.”

Вера сжала кулаки.

— Я уже жила с мужчиной, который считал, что имеет право решать за меня.

На секунду в комнате стало так тихо, что она услышала собственное дыхание.

Нокс нахмурился.

Элиан смотрел на неё почти с удивлением.

А командующий медленно произнёс:

— Мужчиной?

Вера поняла, что сказала лишнее.

Но отступить было поздно.

— Неважно.

— Для трибунала важно всё.

— Да не знаю я ваш трибунал!

В виске снова вспыхнуло. Символы перед глазами сорвались, рассыпались золотыми искрами. Стены будто качнулись.

Командующий сделал шаг.

— Хватит.

— Нет, это вам хватит! — Вера почти сорвалась на крик.

— Вы все называете меня каким-то именем, обвиняете в том, чего я не делала, и ждёте, что я буду молчать, потому что вы

тут главный?

Нокс дёрнулся.

— Командующий...

— Молчать, — сказал Каэль.

Теперь Вера узнала его имя из чужого шёпота в комнате.

Каэль.

Каэль Рэйд.

Почему-то это имя отозвалось в теле болью.

Не в памяти. В теле.

Словно кожа знала его раньше, чем она сама.

Вера отступила ещё на шаг.

— Не подходите ко мне.

Каэль остановился.

— Вы не в положении отдавать приказы, Лира.

— Я не Лира.

— Тогда докажите это перед трибуналом.

Он повернулся к Ноксу.

— Вывести.

Нокс подошёл сразу. В этот раз его рука была грубее. Он схватил её за плечо, и Вера зашипела от боли.

— Осторожнее, — сказал Элиан.

— Она переживёт.

— Я сказал осторожнее.

Это сказал уже Каэль.

Нокс сжал челюсти, но хватку ослабил.

Веру повели к высоким дверям. Она едва переставляла

ноги. Пол был ледяной даже через тонкую ткань странной одежды. С каждым шагом в голове всплывали обрывки: белые стены, красный свет, чужой смех, падение, металлический вкус крови.

Она не знала, где заканчивается она и начинается Лира Арден.

Двери раскрылись без звука.

За ними был коридор — длинный, тёмный, с тонкими синими линиями в стенах. Где-то далеко гудел огромный механизм.

Вера успела сделать три шага.

Потом золотая линия на её запястье вспыхнула.

Сначала тихо.

Потом ярко, больно, как раскалённая проволока под кожей.

Она вскрикнула.

Стены ответили.

По чёрному металлу побежали золотые прожилки. Одна, вторая, десятки. Синий свет погас. Коридор наполнился тёплым сиянием, от которого у всех вокруг резко изменились лица.

Нокс отпустил её так, будто обжёгся.

Элиан побледнел.

Каэль замер.

Впервые с момента её пробуждения он выглядел не холодным.

Он выглядел потрясённым.

Где-то высоко над ними проснулся голос.

Не мужской. Не женский. Не совсем живой.

Он шёл из стен, из пола, из воздуха, из самой боли в её запястье.

— Носительница Арден активна.

Вера перестала дышать.

Голос продолжил:

— Командный ключ Рэйд подтверждён.

Золотые линии добрались до Каэля. На его шее вспыхнул тонкий синий имплант, и свет на мгновение соединился с золотом вокруг неё.

— Совместный доступ обязателен.

Тишина после этих слов стала страшнее крика.

Вера посмотрела на Каэля.

Он смотрел на её запястье.

Потом — на неё.

И в его глазах впервые появилось что-то, кроме ненависти.

Не доверие.

Не жалость.

Угроза.

Потому что теперь он понял то, чего Вера ещё не понимала.

Её больше нельзя было просто осудить.

Глава 3. Ключ, который нельзя казнить

Золотой свет не гас сразу.

Он держался в стенах, в полу, в воздухе — тонкими живыми нитями, будто невидимая рука прошила весь коридор раскалённым металлом.

Вера стояла посреди этого света и боялась пошевелиться.

Запястье горело. Не так, как ожог. Глубже. Будто боль шла не от кожи, а из самой кости.

Нокс больше не держал её. Он отступил на шаг и смотрел на её руку так, словно хотел отрубить её прямо здесь, но не мог.

Элиан первым пришёл в себя.

— Командующий... — начал он тихо.

Каэль поднял ладонь.

Все замолчали.

Даже воздух, казалось, стал тише.

Вера перевела взгляд на него. Синяя линия у его виска светилась ярче, чем раньше. Она то вспыхивала, то угасала, будто внутри него тоже что-то проснулось и теперь проверяло границы.

— Что это было? — спросила Вера.

Никто не ответил.

Она сглотнула.

— Я спросила, что это было?

Каэль наконец посмотрел на неё. Лицо у него оставалось спокойным, но теперь это спокойствие казалось натянутым слишком туго. Как стекло перед трещиной.

— Не здесь.

— Нет, — Вера сделала шаг назад. — Вы опять так говорите. Не здесь. Не сейчас. Потом. А я даже не понимаю, где я!

Нокс резко выдохнул.

— Леди Арден, вы...

— Не называйте меня так!

Слова вырвались быстрее, чем она успела подумать.

Золотые линии на стенах дрогнули.

Все это заметили.

Нокс замолчал.

Элиан медленно повернул голову к стене, потом к её запястью.

Каэль заметил тоже. Конечно, заметил.

— Элиан, — сказал он.

Врач подошёл осторожно, словно приближался не к человеку, а к опасному прибору.

— Мне нужно посмотреть вашу руку.

— Нет.

— Я не причиню боли.

Вера почти рассмеялась. Коротко, хрипло.

— Вы все здесь говорите так, будто это что-то значит.

Элиан на секунду замер.

Каэль смотрел на неё без выражения. Но Вера уже начала понимать: у него неподвижность была не пустотой, а способом не показать, что внутри что-то происходит.

— Лира, — произнёс он.

— Я сказала, что я не Лира.

— Сейчас это не имеет значения.

Вера сжала пальцы.

— Для меня имеет.

Каэль чуть наклонил голову. В этом движении не было ни злости, ни сочувствия. Только холодная оценка.

— Для Астерры — нет.

Вот тогда она окончательно поняла.

Не поверили. Не спасли. Не остановили трибунал, потому что вдруг усомнились.

Просто она стала чем-то нужным.

Не женщиной. Не человеком, который очнулся после смерти в чужом теле и ничего не понимает.

Ключом.

Ресурсом.

Ошибкой, которую пока нельзя уничтожить.

Вера хотела ответить, но коридор вдруг качнулся. Перед глазами потемнело. Если бы Элиан не успел поддержать её за локоть, она бы снова упала.

Каэль посмотрел на его руку.

— Осторожнее с запястьем.

Элиан сразу убрал пальцы ниже, к предплечью.

Странно. Только что они собирались вести её на суд, а теперь боялись коснуться руки.

— Что со мной? — спросила Вера уже тише.

Элиан не ответил сразу. Он достал из рукава тонкую серебристую пластину. Та раскрылась в воздухе прозрачным экраном. Над её запястьем вспыхнули белые точки.

— Пульс высокий. Нейроперевод нестабилен. Имплант повреждён. Но печать...

— Какая печать?

Он взглянул на Каэля.

— Арденская линия активна.

— Не говорите так, будто я понимаю.

Нокс усмехнулся, но без прежней уверенности.

— Прекрасно понимаете.

Вера повернулась к нему.

— Да что я вам сделала?

Он шагнул ближе. На лице дёрнулся шрам.

— Мне? — тихо переспросил он. — Ничего. Моей сестре — тоже уже ничего не сделаете.

— Нокс, — сказал Каэль.

— Она стоит здесь живая, а...

— Достаточно.

Нокс замолчал. Но в глазах у него осталось такое, от чего Вере стало холоднее, чем от металлического пола.

У него кто-то погиб.

Из-за Лиры.

Не из-за неё — но лицом была она.

Эта мысль легла на грудь тяжёлым камнем.

Каэль развернулся к одному из офицеров.

— Зал трибунала закрыть. Протокол суда — приостановить. Все записи активации — под мой личный доступ.

Офицер побледнел.

— Командующий, Совет уже получил уведомление о начале заседания.

— Значит, получит уведомление о технической задержке.

— Но если они узнают, что Ковчег...

Каэль даже не повысил голос.

— Они не узнают.

Офицер склонил голову.

Вера слушала и чувствовала, как внутри поднимается злость. Глухая, слабая пока, но живая.

Они не обсуждали, что с ней делать.

Они обсуждали, кому и что можно о ней знать.

— Я хочу уйти, — сказала она.

Каэль посмотрел на неё.

— Нет.

Одно слово.

Как у Павла.

“Сегодня — могу.”

“Сначала подпиши.”

“Ты и так всё проиграла.”

Вера на секунду зажмурилась.

Нет. Не сейчас. Не ломаться сейчас.

— Вы не имеете права держать меня здесь.

— Имею.

— По какому праву?

— По праву военного положения, брачного протокола Арден-Рэйд и угрозы планетарной безопасности.

Она ничего не поняла, кроме главного: у него были слова. Много слов. Законных. Красивых. Чужих.

Как у Павла были документы.

— Я человек, — сказала Вера. — Не протокол.

Элиан чуть заметно поднял глаза.

Каэль молчал.

— Я человек, — повторила она. — И у меня есть имя.

— Ваше имя здесь ничего не меняет.

Больно стало не сразу.

Сначала — пусто.

Потом Вера вдруг поняла, что очень устала. Так устала, что хотелось сесть прямо на пол и больше не вставать. Пусть ведут куда хотят. Пусть называют как хотят. Пусть решают.

Она уже умирала сегодня.

Сколько раз человек должен умирать за один день?

— Проверьте её, — сказал Каэль Элиану. — Быстро. Без глубокого вмешательства.

— Здесь?

— В малой комнате. Сейчас.

— Командующий, если печать нестабильна, нужно полноценное сканирование.

— Я сказал: без глубокого вмешательства.

Элиан кивнул.

Веру провели не в зал суда, а в небольшое помещение за боковой дверью. Там было светло, почти стерильно. Стены — серые, гладкие, без окон. Посередине стояло узкое кресло, слишком похожее на больничное.

Она остановилась у порога.

— Я туда не сяду.

Элиан посмотрел на кресло, потом на неё.

— Хорошо. Тогда останьтесь стоять. Я просто проверю реакцию зрачков и работу импланта.

Каэль остался у двери. Нокс — рядом с ним, как тёмная стена. Оба смотрели.

Вера почувствовала себя не пациенткой, а вещью на осммотре.

Элиан действовал осторожно. Светил в глаза маленьким лучом, просил следить за точкой, задавал простые вопросы.

— Имя?

— Вера.

— Фамилия?

— Соколова.

— Возраст?

— Тридцать четыре.

— Последнее, что помните до пробуждения?

Вера сжала губы.

Перед глазами снова вспыхнул мокрый асфальт. Телефон.
Сообщение Киры.

— Дождь.

Элиан не торопил.

— Ещё?

— Машина. Фары. Я переходила дорогу.

Нокс тихо фыркнул.

— Очень удобно.

Вера резко повернула голову.

— Думаете, я придумала смерть под колёсами, чтобы впечатлить вас?

— Думаю, вы придумали бы и хуже.

— Почему вы меня так ненавидите?

Нокс замер.

Каэль сделал едва заметное движение, но не вмешался.

— Потому что я помню лица тех, кто не очнулся, — сказал Нокс. — В отличие от вас.

Вера не нашлась, что ответить.

Элиан быстро сменил тему:

— Вы помните Каэля Рэйда?

Она посмотрела на командующего.

Тело среагировало раньше неё.

В груди неприятно сжалось. Пальцы похолодели. На запястье кольнуло.

— Нет, — сказала она.

Элиан внимательно следил за экраном.

— Но тело помнит.

— Это не моё тело.

В комнате стало тихо.

Она сама не ожидала, что скажет это вслух.

Элиан посмотрел на неё иначе. Не как на преступницу. Не как на сумасшедшую. Как на загадку, которая внезапно заговорила.

— Что вы имеете в виду? — спросил он мягко.

Каэль от стены произнёс:

— Достаточно.

Элиан замолчал.

Вера поняла: он не хочет слышать ответы. Не сейчас. Может быть, вообще никогда. Ему нужна удобная Лира Арден: виновная, опасная, понятная.

Вера была неудобной.

— Её нужно переодеть, — сказал Элиан после паузы. — Одежда повреждена, температура тела падает. И ей нужен отдых.

— Отдых? — Нокс усмехнулся. — Перед отложенным трибуналом?

— Перед чем угодно, капитан. Если носительница потеряет сознание, Ковчег может снова отреагировать.

Носительница.

Вера закрыла глаза.

Опять не человек.

Каэль нажал что-то на браслете у запястья. В воздухе вспыхнул короткий знак.

— Сэну Ро сюда.

Прошло не больше минуты, когда дверь открылась.

В комнату вошла девушка лет двадцати с небольшим. Невысокая, тёмноволосая, с собранными в тугой узел волосами. На брови тонкий шрам. Одежда простая, тёмно-серая, без знаков формы, но двигалась она так, будто знала, где можно стоять, а где нельзя.

Она поклонилась Каэлю.

— Командующий.

— Леди Арден нужно привести себя в порядок. Быстро.

Девушка на секунду посмотрела на Веру.

Не с ненавистью, как Нокс. Тише. Холоднее.

Так смотрят на человека, которого обязаны обслужить, но не обязаны прощать.

— Да, командующий.

Каэль повернулся к выходу.

Вера вдруг испугалась остаться одна с незнакомкой не меньше, чем под его взглядом.

— Вы уходите?

Он остановился.

— Вы хотели, чтобы я не подходил.

— Я хочу понять, что происходит.

— Сейчас происходит то, что вы остаётесь живы.

— Благодаря вам?

— Благодаря Ковчегу.

И вышел.

Нокс задержался на секунду.

— Не думайте, что это спасение, леди Арден.

Потом ушёл за Каэлем.

Элиан остался у двери.

— Если почувствуете боль в запястье, головокружение или услышите голос — зовите.

Вера посмотрела на него.

— Голос?

Он чуть помедлил.

— Просто зовите.

И тоже вышел.

Дверь закрылась.

Вера осталась с девушкой по имени Сэна.

Несколько секунд они молчали.

Потом Сэна подошла к стене, провела пальцами по панели. Из ниши бесшумно выдвинулась тёмная одежда — длинная, сложная, с множеством застёжек.

Вера посмотрела на неё с отчаянием.

— Я не знаю, как это надевать.

Сэна замерла.

Очень коротко. Почти незаметно.

— Вы не знаете?

Вера устало усмехнулась.

— Сегодня я вообще мало что знаю.

Сэна опустила взгляд.

— Поднимите руки.

Вера послушалась.

Ткань на ней была порвана у плеча и испачкана чем-то тёмным. Сэна осторожно расстегнула крепления. Двигалась быстро, профессионально, но без грубости.

Вера смотрела в сторону.

Ей было стыдно.

Не за тело. За беспомощность.

За то, что не знала, где находится. Как одеться. Как говорить. Как выжить.

Сэна помогла ей надеть нижнюю рубашку из тонкой холодной ткани, потом тёмное платье или халат — Вера так и не поняла. Застёжки сами стянулись на боку, и она вздрогнула.

— Больно? — спросила Сэна.

— Неожиданно.

Сэна снова посмотрела на неё.

— Прежняя леди Арден не вздрагивала.

Вера тихо сказала:

— Я не прежняя леди Арден.

Сэна ничего не ответила.

Она поправила ворот, отступила и взяла с полки тонкий браслет. Вера сразу напряглась.

— Что это?

— Домовой ограничитель.

— Ограничитель?

— Без него вас не выпустят даже в коридор.

— А с ним выпустят?

Сэна посмотрела прямо.

— С ним вас будут знать, где искать.

Вера медленно выдохнула.

— Прекрасно.

Сэна застегнула браслет на её руке, не касаясь золотой линии. Очень аккуратно. Вера заметила это.

— Вы тоже боитесь этой штуки?

Сэна не сразу ответила.

— Я боюсь людей, из-за которых просыпаются мёртвые корабли.

Вера почувствовала, как внутри снова стало пусто.

— Я не хотела, чтобы он просыпался.

— Обычно наверху всё происходит не потому, что кто-то хотел.

В её голосе не было злобы. Только усталость.

Вера посмотрела на неё внимательнее.

— Как вас зовут?

Сэна подняла глаза.

И снова эта короткая заминка.

— Сэна Ро.

— Спасибо, Сэна.

Девушка застыла.

Будто Вера сказала что-то неправильное. Или слишком личное.

— За что?

— За то, что помогли.

Сэна отвела взгляд.

— Это моя работа, леди Арден.

— Всё равно спасибо.

Сэна молча убрала испачканную ткань в специальный контейнер. Движения у неё стали чуть резче, будто простое “спасибо” вывело её из равновесия сильнее приказа.

Дверь открылась.

Каэль вернулся один.

Вера сразу выпрямилась, хотя тело болело от каждого движения.

Он окинул её взглядом. Не задержался на лице. Не оценил платье. Только проверил браслет, запястье, состояние печати.

Опять не женщина.

Состояние объекта.

— Трибунал отложен, — сказал он.

Вера не сразу поверила.

— Значит, вы мне поверили?

Каэль посмотрел на неё.

— Нет.

Конечно.

— Тогда почему?

— Потому что Ковчег признал вас активной носительницей Арден.

— И что это значит?

— Что теперь вас нельзя казнить.

Сэна едва заметно втянула воздух.

Вера услышала.

Нельзя казнить.

Не “вы невиновны”.

Не “мы разберёмся”.

Нельзя.

Пока.

— А если бы не эта печать? — спросила Вера.

Каэль молчал.

И этого хватило.

Вера медленно кивнула.

— Понятно.

Ей вдруг стало очень спокойно. Страшное, хрупкое спокойствие, когда внутри уже нечему падать.

— Я не ваша Лира, — сказала она. — И не ваш ключ.

Каэль подошёл ближе.

Не вплотную. Но достаточно, чтобы ей пришлось поднять голову.

— Пока вы носите её лицо, её кровь и её печать, вы — риск для этой планеты.

— А для себя я кто?

Впервые он не ответил сразу.

Потом сказал:

— Это не имеет значения для приказа.

Он повернулся к двери. Там уже стоял Нокс и двое офицеров.

Каэль говорил не громко, но каждое слово легло в комнату тяжело и окончательно:

— Леди Арден остаётся в резиденции. Под постоянным наблюдением. Все внешние каналы закрыть. Доступ к ней — только через мой личный протокол.

Вера сжала пальцы.

Каэль посмотрел на неё ещё раз.

— Любая попытка побега будет приравнена к государственной измене.

Она усмехнулась. Тихо. Почти без сил.

— Удобно. Я ещё ничего не сделала, а уже виновата.

Каэль не дрогнул.

— Добро пожаловать обратно, Лира.

Дверь за ним закрылась.

И только тогда Вера поняла: в этом мире она не спаслась после смерти.

Она просто очнулась в новой клетке.

Глава 4. Чужое тело

Покои Лиры Арден оказались красивыми.

От этого хотелось кричать.

Вера стояла у входа и смотрела на огромную комнату, где всё было слишком правильным, слишком холодным, слишком чужим. Высокие стены из тёмного камня. Тонкие линии синего света у пола. Белый ковёр, на который страшно было наступить. Огромное окно во всю стену.

Не окно даже.

Пропать.

За прозрачным стеклом висел город.

Вера сделала шаг ближе и сразу пожалела. Ноги ослабли.

Внизу, далеко под резиденцией, уходили в туман ярусы Арквейна. Чёрные платформы, мосты, линии транспорта, огни, похожие на холодные звёзды. Город не стоял на земле. Он держался над бездной, как будто кто-то когда-то решил построить дом там, где нормальный человек не поставил бы даже стул.

А над всем этим небом висел Ковчег.

Мёртвый корабль.

Теперь Вера понимала, почему его так называли.

Он был огромным, тёмным, неподвижным. Не похожим на корабль из фильмов или детских рисунков Киры. Ни окон, ни крыльев, ни огней. Просто чёрный осколок, застрявший

в фиолетовом небе.

Слишком большой, чтобы быть настоящим.

Слишком тихий, чтобы быть мёртвым.

Вера невольно прижала руку к запястью.

Золотая линия под кожей почти погасла, но всё ещё теплилась. Слабая. Живая. Как напоминание: она больше не принадлежит себе.

— Прошу не подходить к стеклу слишком близко.

Вера обернулась.

Сэна стояла у двери с подносом в руках. Ровная спина, собранные волосы, спокойное лицо. Только глаза настороженные. Девушка не смотрела на Веру долго, будто это было неприятно или опасно.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что после пробуждения Ковчега защитные панели могут реагировать на вас.

— И что будет?

— Я не знаю.

Сэна сказала это так, будто незнание было хуже любого ответа.

Вера отошла от окна.

Покои были не комнатой, а маленьким дворцом. Широкая кровать с тёмным покрывалом. Низкий стол. Стена с закрытыми нишами. Зеркальная панель. Дверь в ванную, откуда тянуло прохладным паром и чем-то горьким, лекарственным.

И ни одной живой вещи.

Ни книги, брошенной на кресло. Ни чашки. Ни цветка. Ни детской игрушки, ни фотографии, ни смешной мелочи.

Будто Ли́ра Арден жила здесь не как женщина, а как экспонат.

Или пленница, которой не разрешали оставлять следы.

— Это моя комната? — спросила Вера.

Сэна поставила поднос на стол.

— Покои леди Арден.

— Значит, не моя.

Сэна промолчала.

Вера устало провела ладонью по лицу. Кожа под пальцами была не её. Снова это ударило — резко, почти физически.

Она повернулась к зеркальной панели.

Женщина в отражении тоже повернулась.

Вера долго смотрела на неё.

Красивое лицо. Не мягкое, не земное. Слишком тонкое. Слишком бледное. Тёмные волосы спутались после всего, что произошло. Глаза — серо-зелёные, с золотыми точками у зрачка. На скуле синяк. На нижней губе трещина. На шее тонкий след, похожий на ожог от ошейника.

Вера подняла руку к шее.

Отражение повторило.

— Это не я, — сказала она.

Очень тихо.

Сэна, кажется, услышала, но не ответила.

Вера расстегнула верхнюю застёжку платья. Ткань была красивой и неудобной. Она села слишком плотно, словно одежду придумали не для жизни, а для того, чтобы женщина всё время помнила о своём статусе.

— Как это снять?

Сэна подошла.

— Здесь.

Она коснулась маленькой серебристой застёжки у плеча. Ткань послушно ослабла.

— Прежняя леди Арден любила сложные замки, — сказала Сэна. — Чтобы никто не мог помочь ей без разрешения.

Вера посмотрела на неё через зеркало.

— Вы её знали?

Сэна замерла на секунду.

— Все в этом доме её знали.

— И ненавидели?

Сэна опустила глаза.

— Не мне говорить.

— А кому? Каэлю? Ноксу? Трибуналу?

Имя Каэля странно отозвалось в комнате.

Вера не поняла, почему произнесла его так легко. Будто где-то глубоко тело уже знало это имя, привыкло к нему, боялось его.

Сэна осторожно сняла верхнюю часть платья и подала Вере более мягкую тёмную накидку.

— Вам нужно поесть.

— Я не хочу.

— Тогда хотя бы выпейте.

На подносе стояла чашка с густым тёмным напитком. Не чай. Не кофе. Запах был горький, пряный и тёплый. Рядом — миска с чем-то похожим на суп, ломтик тёмного хлеба и маленькая тарелка с прозрачными дольками, внутри которых светились тонкие прожилки.

Вера села за стол, но не знала, с чего начать.

Приборы были странными. Один похож на ложку, другой — на тонкую изогнутую пластину. На краю подноса светилась маленькая панель. Когда Вера потянулась к чашке, панель ожила и выдала несколько символов.

Она вздрогнула.

Сэна заметила.

— Нужно подтвердить приём пищи.

— Зачем?

— Медицинский контроль.

— Даже еда здесь под наблюдением?

Сэна посмотрела на неё почти с удивлением.

— Вы правда спрашиваете?

Вера медленно выдохнула.

— Да. Я правда спрашиваю.

Сэна нажала на панель вместо неё. Символы погасли.

— Пейте.

Вера взяла чашку обеими руками. Напиток обжёг пальцы через тонкие стенки, но она не отпустила. Тепло было пер-

вым настоящим теплом с момента пробуждения.

Она сделала глоток.

Горько.

Потом сладко.

Потом по телу разлилось слабое, почти забытое чувство.
она ещё жива.

Вера закрыла глаза.

И вдруг увидела Киру.

Не как видение. Просто память.

Кира в пижаме со звёздами сидит на кухне, болтает ногами и дуется:

“Мама, чай невкусный. Давай какао. Космонавты пьют какао?”

Вера зажмурилась сильнее.

Чашка дрогнула в руках.

— Вам плохо? — спросила Сэна.

— У меня была дочь.

Слова вышли сами.

Сэна застыла.

— Была?

Вера открыла глаза.

— Есть. Наверное. Я не знаю.

Она поставила чашку на стол, чтобы не уронить.

— Её зовут Кира. Ей шесть. Она любит звёзды. Рисует ракеты. А я... я даже не знаю, жива ли я там. Для неё.

Сэна смотрела на неё уже иначе.

Не мягко. Нет. До мягкости было далеко.

Но внимательнее.

— У леди Арден не было детей.

— Я не леди Арден.

— Здесь вы она.

— А если нет?

Сэна долго молчала. Потом сказала:

— Тогда вам очень не повезло.

Вера коротко усмехнулась.

— Это я уже поняла.

Она взяла ложку, но прибор повернулся в пальцах не так, как надо. Сэна молча забрала его и дала другой.

— Этим проще.

— Спасибо.

Сэна снова чуть сбилась. Совсем немного. Но Вера заметила.

— Вам неприятно, когда я благодарю?

— Прежняя леди Арден не благодарила.

— Может, ей никто не давал повода.

Сэна посмотрела резко.

— Ей давали всё.

— Всё — это не всегда то, что нужно.

Сэна сжала губы. Вера поняла: сказала не то. Или слишком то.

Несколько минут они молчали.

За окном медленно темнело. Фиолетовое небо станови-

лось почти чёрным. Вдалеке над городом загорались линии мостов. Ковчег оставался неподвижным, но теперь Вере казалось, что он не висит над городом, а смотрит на него.

На неё.

— Почему вы меня ненавидите? — спросила Вера.

Сэна не подняла глаз.

— Я не говорила, что ненавижу.

— Не обязательно говорить.

Сэна убрала пустую тарелку. Потом всё-таки ответила:

— Из-за вас у половины города звенят похоронные ленты.

Вера медленно поставила чашку.

— Что это значит?

— Когда кто-то погибает на службе, семья вывешивает у двери серебряную ленту. Ветер трогает её, и она звенит. После седьмой эскадры звенел весь нижний ярус.

Сэна говорила спокойно. Слишком спокойно. Так говорят о боли, которую носили долго и научились складывать внутрь, чтобы не мешала работать.

— Седьмая эскадра... — повторила Вера.

— Корабли, которые погибли после передачи кодов.

— Лира передала коды?

Сэна наконец посмотрела на неё прямо.

— Так говорит суд. Флот. Командующий. Записи.

— А вы?

В глазах Сэны что-то дрогнуло.

— У меня погиб брат.

Вере стало нечем дышать.

— Мне жаль.

Сэна резко отвернулась.

— Не надо.

— Я не...

— Не надо, леди Арден.

Теперь “леди” прозвучало не как оскорбление, а как стена.

Сэна сама поставила её между ними, чтобы не сорваться.

Вера замолчала.

Что она могла сказать?

“Это не я”?

Для Сэны это ничего не меняло.

Перед ней сидела женщина с лицом той, из-за кого её брат не вернулся домой.

Вера посмотрела на свои руки. Чужие тонкие пальцы. Золотая линия на запястье. Браслет-ограничитель.

Чужая вина.

Чужое тело.

Чужая ненависть.

И всё это теперь было её.

— Я не знаю, что сделала Лира, — сказала она тихо. —

Но если ваш брат погиб... мне правда жаль.

Сэна долго стояла спиной.

Потом очень тихо ответила:

— Прежняя леди Арден сказала бы, что мой брат знал, на что шёл.

Вера почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Я бы так не сказала.

— Я вижу.

Сэна произнесла это почти неслышно.

Потом взяла поднос.

— Вам нужно отдыхать. Двери не откроются без разрешения командующего. Окно защищено. Связи нет. Если станет плохо, нажмите на панель у кровати.

— И кто придёт?

— Охрана. Или я. Если буду рядом.

— А если я захочу выйти?

Сэна посмотрела на браслет на её руке.

— Не захотите.

— Это угроза?

— Это совет.

Она пошла к двери, но у самого выхода остановилась.

— Не трогайте золотую линию. Когда она светится, стены слушают.

— Стены?

— В этом доме всё слушает.

Дверь закрылась бесшумно.

Вера осталась одна.

Она обошла комнату медленно, словно проверяла границы клетки. Шкаф открылся ещё до того, как она коснулась панели. Рука сама легла на скрытый знак сбоку. Вера отдёр-

нула пальцы.

Тело знало.

Тело помнило.

В шкафу висели платья — тёмные, строгие, красивые. Ни одного мягкого свитера. Ни одной простой рубашки. Ни одной вещи, которую хотелось бы надеть, чтобы стать собой.

На нижней полке лежала тонкая металлическая шкатулка. Вера не знала, как её открыть, но пальцы снова двинулись сами. Нажали на невидимый замок.

Крышка поднялась.

Внутри не было драгоценностей.

Только обломок тёмной ткани, засохшее пятно на белой ленте и маленькая пластина с выжженным знаком Арден.

Вера коснулась ленты.

Комната исчезла.

На мгновение.

Белый пол.

Кровь.

Резкий красный свет.

Чужие руки на её запястьях.

И голос Каэля — ниже, грубее, чем сейчас. Не холодный. Сломанный.

— Если я выживу, не верь мне.

Нет.

Это был не Каэль.

Это сказала женщина.

Её голос.

Голос Лиры.

Вера отшатнулась, шкатулка упала на ковёр. Лента выскользнула следом.

Сердце билось так сильно, что боль отдавала в горло.

За окном Ковчег оставался неподвижным.

Но золотая линия на её запястье снова едва заметно светила.

Глава 5. Дом, который ненавидит

Утро на Астерре не началось.

Оно просто включилось.

Сначала вдоль стен тихо вспыхнули синие линии. Потом прозрачная панель у кровати показала незнакомые символы. Потом где-то за окном дрогнуло фиолетовое небо, и город над пропастью стал чуть светлее.

Вера почти не спала.

Она лежала на огромной кровати под тяжёлым тёмным покрывалом и смотрела на Ковчег за стеклом. Он так и висел над городом — неподвижный, чёрный, чужой. Ночью ей несколько раз казалось, что он стал ближе.

Наверное, это был страх.

Или это место просто умело сводить с ума медленно.

На ковре до сих пор лежала белая лента из шкатулки. Вера не решилась трогать её снова. После видения руки долго дрожали, а золотая линия на запястье светила почти до рассвета.

“Если я выживу, не верь мне.”

Голос Лиры.

Её голос.

Чужой и одновременно исходящий откуда-то изнутри.

Вера села и потерла лицо ладонями.

— Я не она, — прошептала она.

Комната не ответила.

Хотя после слов Сэны о том, что стены слушают, молчание тоже казалось подозрительным.

Дверь открылась без стука.

Вера вздрогнула.

На пороге стояла Сэна с аккуратно сложенной одеждой в руках. Сегодня её лицо было ещё более собранным, чем вчера.

— Вам нужно одеться.

— Доброе утро здесь не говорят?

Сэна замерла, будто вопрос был странным.

— Говорят.

— Тогда доброе утро.

Девушка несколько секунд смотрела на неё, потом тихо ответила:

— Доброе утро, леди Арден.

Вера поморщилась.

— Можно без “леди Арден”?

— Нет.

— Почему?

— Потому что за дверью охрана.

Вера повернула голову.

У двери действительно стояли двое. Она видела только тени за матовым стеклом, но этого хватило.

— Они там всю ночь?

— Да.

— Чтобы я не сбежала?

— Чтобы вы не умерли, не сбежали и не активировали что-нибудь случайно.

— Отличный список.

Сэна подошла к шкафу и разложила одежду на спинке кресла. Тёмное платье с высоким воротом. Узкие рукава. Застёжки на боку. Всё строгое, закрытое, красивое и совершенно неуютное.

— У вас встреча.

Вера напряглась.

— С Каэлем?

Сэна бросила на неё быстрый взгляд.

— С командующим. И членами внутреннего дома.

— Внутреннего дома?

— Ближайшие офицеры, управление резиденции, семейный архив, сестра командующего.

Сестра.

Вера медленно поднялась.

— У него есть сестра?

— Эйра Рэйд.

Сэна произнесла имя осторожно. Не с теплом. С уважением и опаской.

— Она тоже меня ненавидит?

Сэна не ответила сразу.

Вера усмехнулась.

— Понятно.

— Она любила своего брата до того, как он женился на вас.

Эти слова были сказаны спокойно, но ударили точно.

Вера хотела возразить: “Не на мне”. Но уже устала повторять это стенам, охране, Сэне, самой себе.

Она позволила помочь себе одеться.

Сегодня Сэна двигалась быстрее. Утягивала застёжки, поправляла ворот, закрепляла волосы Веры тонкими тёмными шпильками. Волосы Лиры были тяжёлыми, густыми, непослушными. Вера не знала, что с ними делать, но Сэна знала.

— Прежняя леди Арден носила их выше, — сказала она, закрепляя последнюю прядь.

— А я?

— А вы пока носите как получится.

Вера посмотрела на неё через зеркало.

— Это была шутка?

Сэна опустила глаза.

— Нет.

Но уголок её губ дрогнул.

Совсем чуть-чуть.

Вера запомнила это как маленькую победу.

Потом Сэна застегнула на её запястье браслет-ограничитель. Холодный ободок плотно лёг поверх кожи рядом с золотой линией.

— Он нужен обязательно?

— Да.

— И что он делает?

— Показывает, где вы. Блокирует внешнюю связь. Не даёт открыть закрытые двери. Предупреждает охрану, если вы попытаетесь снять его.

— То есть ошейник.

Сэна подняла глаза.

— Лучше не говорите так при командующем.

— Почему?

— Потому что он скажет, что это мера безопасности.

Вера тихо усмехнулась.

— Конечно.

Дверь открылась.

Нокс Тейн стоял за порогом.

Сегодня он был в полной форме. Чёрная ткань, высокий ворот, знак флота на плече. Металлическая рука скрыта перчаткой, но Вера уже знала, что она там. Он смотрел на неё как на приказ, который ему неприятно выполнять.

— Леди Арден.

— Капитан Тейн.

Она не знала, откуда знает его звание.

Нокс тоже заметил.

Вера почувствовала, как тело внутри будто само выпрямилось. Не она — Лира. Лира знала, как смотреть на таких людей. Как держать подбородок. Как не показывать слабость.

Вере стало неприятно от этого знания.

— Командующий ждёт, — сказал Нокс.

— Я рада за него.

Сэна резко опустила глаза.

Нокс чуть сузил взгляд.

— Советую помнить, где вы находитесь.

— В клетке?

— В доме человека, который имел все причины не оставлять вас в живых.

Вера почувствовала холод под рёбрами.

— Но оставил.

— Не он. Ковчег.

Нокс развернулся.

— Идёмте.

Коридоры резиденции оказались ещё холоднее, чем покои.

Высокие стены. Чёрный металл. Белый камень. Синий свет, бегущий тонкими линиями у пола. Всё безупречно чистое. Без запахов, без пыли, без случайности. Даже шаги звучали слишком отчётливо.

Вера шла между Ноксом и двумя охранниками и чувствовала, как дом смотрит.

Не люди. Дом.

Скрытые панели в стенах мягко вспыхивали, когда она проходила мимо. Браслет на руке едва заметно вибрировал. Где-то за тонким стеклом остановилась женщина в серой форме и быстро опустила глаза.

Потом ещё один служащий.

Потом двое офицеров.

Сначала Вера думала, что ей кажется. Но нет.

Люди действительно замолкали, когда видели её.

Разговоры обрывались. Лица становились закрытыми.

Кто-то отворачивался. Кто-то смотрел прямо, с холодным презрением. Одна пожилая женщина прижала пальцы к груди, словно увидела не человека, а призрак.

Вера шла и впервые поняла: вчерашняя ненависть Нокса была только началом.

Здесь её ненавидел дом.

— Они все знают меня? — спросила она тихо.

— Вас трудно забыть, — ответил Нокс.

— Я не...

— Не начинайте.

Он даже не посмотрел на неё.

— Я не Лира, — всё равно сказала Вера.

Нокс остановился так резко, что охранники застыли следом.

Он повернулся к ней.

— Для людей, которые похоронили детей, мужей и сестёр, это звучит как издевательство.

Вера замолчала.

Нокс смотрел тяжело.

— У вас её лицо. Её голос. Её кровь. Её печать. Когда вы входите в зал, люди видят не вашу загадочную новую душу. Они видят женщину, после приказа которой корабли горели

в пустоте.

Вера сжала пальцы.

— Я не отказываюсь слушать правду. Я просто прошу не вешать на меня то, чего я не помню.

— Память удобная вещь. Можно потерять как раз тогда, когда приходит расплата.

Он снова пошёл вперёд.

Вера стояла секунду, глядя ему в спину.

Потом заставила себя идти.

Узкий коридор вывел их в широкий зал с огромными окнами. За ними снова был Арквейн: платформы, туман, далёкие огни нижних ярусов. Где-то внизу, среди этих огней, могла быть семья Сэны. Могли быть серебряные ленты. Брат, который не вернулся.

“Из-за вас у половины города звенят похоронные ленты.”

Вера невольно прикоснулась к запястью.

Золотая линия молчала.

У входа в зал стояла женщина.

Вера сразу поняла: Эйра Рэйд.

Не потому, что её представили. Просто в ней было что-то от Каэля. Та же жёсткая осанка. Те же серые глаза. Та же холодная собранность, только тоньше, острее.

Эйра была в военной форме. Светлые, почти серебристые волосы убраны назад. На шее — знак дома Рэйд. Она смотрела на Веру без крика, без ненавистной гримасы, без открытого презрения.

И от этого было хуже.

— Лира Арден, — сказала она.

Вера выдохнула.

— Вера.

Эйра едва заметно подняла бровь.

— Вот как.

Нокс отошёл к стене. Охрана осталась у двери.

Вера вдруг поняла, что её оставили одну напротив этой женщины.

— Мне сказали, у командующего есть сестра, — произнесла она.

— У командующего много обязанностей. Я одна из тех, кто напоминает ему о них, когда он забывает.

— И я, видимо, одна из причин забыть?

Эйра подошла ближе.

Не торопясь.

— Вы? Нет. Вы причина, по которой он однажды почти позволил себе быть человеком.

Вера не знала, что ответить.

Эйра остановилась в нескольких шагах.

— После этого погибли тысячи.

— Я не помню.

— Удобно.

— Все здесь считают это удобным. А вы попробуйте проснуться в чужом теле, где каждый смотрит на вас как на убийцу.

Эйра долго смотрела на неё.

— Прежняя Лира сказала бы это красивее.

Вера устала от этой фразы.

Прежняя Лира.

Прежняя леди Арден.

Прежняя жена.

Прежняя предательница.

— Тогда вам повезло, — сказала она. — Я не умею красиво.

В глазах Эйры впервые мелькнуло что-то живое. Не тепло. Скорее интерес, который ей самой не понравился.

— В этом доме вам оставили слишком много воздуха, леди Арден.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Это угроза?

— Наблюдение.

— У вас на Астерре все так разговаривают? Сначала режут, потом называют это наблюдением?

Нокс тихо выдохнул у стены. Кажется, он не ожидал, что она ответит.

Эйра не улыбнулась.

— Вы изменились.

— Вы меня не знаете.

— Я знаю достаточно. Вы вошли в этот дом как последняя Арден. Мой брат дал вам имя Рэйд, защиту и доступ к тому, чего ваш род не касался поколениями.

Вера горько усмехнулась.

— Звучит как сказка.

Эйра сделала ещё шаг.

— Нет. Сказка закончилась в день, когда ваша передача убила седьмую эскадру.

Вера отвела взгляд первой.

За окном, далеко внизу, медленно двигались транспортные линии. Город жил. Дышал. Ненавидел её.

— Я не знаю, что сделала Лира, — сказала она. — Но если вы ждёте, что я буду притворяться виновной ради вашего удобства, я не смогу.

— А если виновность докажут?

— Тогда я хочу знать правду.

— Правда не всегда спасает.

— Зато ложь уже пыталась меня убить.

Эйра молчала.

Вера сама не поняла, почему сказала это. Не про Лиру. Про себя. Про Павла. Про папку с документами. Про фары.

Эйра, конечно, не знала. Но почему-то в её взгляде на секунду появилась осторожность.

Потом исчезла.

— Мой брат не ваш спаситель, — сказала она. — Не путайте.

— Я и не путаю.

— Рэйды спасают планету. Не женщин, которые её предали.

— Хорошо. Тогда передайте вашему брату, что я тоже не собираюсь быть спасённой ценой новой клетки.

Эйра посмотрела на браслет на её руке.

— Вы уже в клетке.

— Значит, начну с этого.

Впервые Эйра почти улыбнулась.

Почти.

— Осторожнее, Лира. В этом доме стены помнят больше, чем люди.

Вера хотела ответить, но в этот момент зал изменился.

Синий свет вдоль стен погас.

По полу прошла тонкая белая линия. Потом в центре зала поднялась прозрачная фигура женщины. Высокая, строгая, с гладко убранными волосами и лицом, в котором не было возраста.

Охранники у двери одновременно вытянулись.

Нокс резко выпрямился.

Эйра побледнела.

— Астра, — прошептала она.

Фигура повернула голову к Вере.

Голос прозвучал чисто и холодно:

— Носительница Арден распознана.

Вера сделала шаг назад, но браслет на руке вспыхнул и не дал отступить дальше. Будто невидимая нить удержала её на месте.

Астра продолжила:

— Командная линия Рэйд активна. Нарушение доступа устранено.

Эйра резко повернулась к Вере.

— Что вы сделали?

— Ничего!

Прозрачная фигура подняла руку. В воздухе между ними появились два знака: золотой и синий. Они соединились тонкой светящейся цепью.

— Брачный протокол Арден-Рэйд восстановлен, — произнесла Астра.

В зале стало мёртво тихо.

Вера не сразу поняла смысл.

А потом увидела лицо Эйры.

Увидела, как Нокс сжал металлическую руку.

Увидела, как охранники переглянулись.

И поняла: это была не просто фраза.

Это был приговор другого рода.

Астра склонила голову.

— Супруга командующего возвращена в статус полного доступа.

Глава 6. Медицинский осмотр

— Полный доступ? — переспросила Эйра.

Её голос остался ровным, но Вера увидела, как побелели пальцы на руке, сжавшей край стола.

Астра висела в воздухе между ними — прозрачная, холодная, безжизненно спокойная. Она не выглядела человеком. Скорее воспоминанием о человеке, которому когда-то забыли дать душу.

— Брачный протокол Арден-Рэйд восстановлен, — повторила она. — Супруга командующего возвращена в статус полного доступа.

— Нет, — сказала Вера.

Все посмотрели на неё.

Она сама не знала, кому отвечает. Эйре. Ноксу. Этой прозрачной женщине. Дому. Миру, который опять решил всё за неё.

— Нет, — повторила она. — Я ничего не восстанавливала. Я не давала согласия.

Астра повернула к ней лицо.

— Согласие супруги подтверждено кровью Арден.

— Моей крови никто ничего не спрашивал.

Астра молчала.

Нокс тихо выругался сквозь зубы.

— Командующему нужно знать немедленно.

— Уже знает, — сказала Эйра.

Вера обернулась.

В дверях стоял Каэль.

Она не услышала, как он вошёл. В этом доме, кажется, все умели появляться бесшумно, когда речь шла о ней.

Он окинул зал одним взглядом: Эйра, Нокс, охрана, Аст-ра, светящиеся знаки в воздухе, браслет на руке Веры. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Только синяя линия у виска вспыхнула чуть ярче.

— Астра, зафиксировать протокол и закрыть публичное отображение.

— Подтверждено, командующий.

Прозрачная фигура исчезла.

Свет в зале снова стал синим.

Но легче не стало.

Каэль посмотрел на Веру.

— В медицинское крыло.

Она сразу отступила на шаг.

— Нет.

— Это не обсуждается.

— У вас здесь вообще что-нибудь обсуждается?

Эйра резко подняла подбородок.

— Следите за тоном.

Вера повернулась к ней.

— А вы попробуйте проснуться в чужом теле, получить чужого мужа, чужую вину, чужой брачный протокол, а потом

следить за тоном.

В зале стало тихо.

Нокс смотрел на неё уже не только с ненавистью. С раздражением — да. С презрением — тоже. Но где-то под этим мелькнуло что-то похожее на недоумение.

Прежняя Лира, видимо, так не говорила.

Каэль произнёс:

— Медицинское крыло. Сейчас.

Вера посмотрела ему в глаза.

— Вы меня не слышите.

— Слышу.

— Тогда почему снова отдаёте приказ?

— Потому что если протокол полного доступа активировался сам, вы можете быть опасны для всей резиденции.

— Я опасна?

— Да.

Одно слово.

Без злости. Без сомнений.

Просто факт.

Вера вдруг устала спорить.

— Хорошо, — сказала она. — Но я пойду сама.

Каэль едва заметно перевёл взгляд на Нокса.

Тот убрал руку от её локтя.

Маленькая победа.

Очень маленькая.

Но Вера всё равно ухватила за неё.

Медицинское крыло пахло холодом.

Не лекарствами даже — чистотой, доведённой до жестокости. Белые стены. Белый пол. Белый свет сверху, от которого кожа казалась неживой. Здесь не было фиолетового неба за окнами, не было города, не было Ковчега. Только стекло, металл и тишина.

Вера остановилась у порога.

Тело отреагировало само.

Колени ослабли. Дыхание сбилось. В горле появился металлический привкус.

Белый пол.

Кровь.

Чужие руки на запястьях.

“Ты не должна была выжить.”

— Леди Арден?

Элиан Морвен стоял у диагностического стола. Сегодня его белая форма почти сливалась со стенами. Он смотрел спокойно, но не равнодушно. Это было единственное лицо в комнате, на котором не было ненависти.

И всё равно Вера не хотела к нему идти.

— Я не сяду туда.

Элиан проследил за её взглядом.

Стол был узкий, с мягкой серой поверхностью и тонкими металлическими дугами по бокам. Над ним висели три прозрачных кольца. Они медленно вращались в воздухе, будто ждали, когда их запустят.

— Это не операционный стол, — сказал Элиан.

— Мне всё равно, как он называется.

Каэль стоял за стеклянной перегородкой. Не в комнате. За стеклом.

Это почему-то злило сильнее.

Он снова смотрел оттуда, где его нельзя было коснуться. Где он мог приказать и не чувствовать, что происходит с тем, над кем приказ исполняют.

Элиан подошёл ближе.

— Мы проверим имплант, печать и причину активации брачного протокола. Без вмешательства глубже второго слоя.

— Я не понимаю, что это значит.

— Это значит, что мы не будем трогать память.

— А если вы врёте?

Элиан не обиделся.

— Тогда вы имеете право кричать.

Вера коротко усмехнулась.

— Великодушно.

Он чуть склонил голову.

— Это максимум прав, который мне сейчас позволят вам признать.

От этой честности стало не легче, но хотя бы меньше хотелось отступать.

Вера подошла к столу.

Сэны рядом не было. И это вдруг стало заметно. Вчера

девушка была холодной, чужой, но живой. А здесь вокруг были только врачи в белом и офицеры у двери.

Вера легла сама.

Поверхность под спиной оказалась тёплой. Это должно было успокоить. Не успокоило.

Металлические дуги поднялись и мягко зафиксировали её запястья.

Вера резко дёрнулась.

— Нет.

— Это для точности сканирования, — сказал один из ассистентов.

— Уберите.

— Леди Арден, не двигайтесь.

— Уберите!

Элиан поднял руку.

— Ослабить фиксацию.

Ассистент замялся.

— Но протокол...

— Ослабить.

Дуги отступили на несколько сантиметров. Уже не держали, только обозначали границу. Вера всё равно чувствовала их как цепи.

Над лицом опустилось первое прозрачное кольцо. Внутри него вспыхнули белые точки.

— Следите за светом, — сказал Элиан.

Вера старалась.

Одна точка. Вторая. Третья.

В виске снова зашевелилась боль. Символы появились перед глазами сами: незнакомые, золотые, ломкие. Она попыталась моргнуть — не исчезли.

— Нейроперевод нестабилен, — произнёс ассистент. — Памятный слой повреждён. Есть следы блокировки.

— Какой блокировки? — спросила Вера.

Элиан не ответил сразу.

— Возможно, старой.

— То есть это было до меня?

Он встретился с ней взглядом.

— Возможно.

За стеклом Каэль чуть подался вперёд.

Он услышал.

Конечно, услышал.

Второе кольцо опустилось ниже, к груди. Воздух стал плотнее. Вера почувствовала давление на кожу, будто невидимая рука пыталась вдавить её в стол.

— Дышите ровно, — сказал Элиан.

— Я стараюсь.

— Печать реагирует.

Запястье вспыхнуло.

Вера вскрикнула.

Боль была резкой, горячей. Золотая линия под кожей будто раскрылась и потянулась вверх, к локтю.

— Остановите, — выдохнула она.

Ассистент посмотрел на экран.

— Нужно зафиксировать всплеск.

— Остановите!

— Ещё десять секунд.

Вера повернула голову к стеклу.

Каэль стоял неподвижно.

Он видел.

Всё видел.

— Я сказала, остановите!

Кольца продолжали вращаться.

Боль поднялась выше, к плечу. Перед глазами вместо белого потолка снова появился коридор. Красный свет. Кровь на полу. Мужской голос — неясный, разбитый помехами.

“Лира, открой дверь.”

Нет.

Не её память.

Не её.

— Остановите! — крикнула Вера.

Элиан резко шагнул к панели.

— Снизить интенсивность.

— Мы потеряем данные, — возразил ассистент.

— Снизить!

Но тот не успел.

Третье кольцо вспыхнуло.

Веру словно ударило изнутри.

Она закричала.

Не красиво. Не сдержанно. Не как “леди Арден”. Как человек, которому больно и страшно.

Золотой свет сорвался с её запястья по дугам фиксации. Стены медицинской комнаты ответили слабым дрожанием.

За стеклом Каэль резко поднял руку.

— Достаточно.

Голос прошёл через динамики так холодно, что все в комнате замерли.

Кольца продолжали светиться ещё секунду.

— Я сказал, достаточно.

Свет погас.

Дуги отошли.

Воздух снова стал обычным.

Вера резко села и тут же согнулась, прижимая руку к груди. Её трясло. В горле стоял крик, который уже закончился, но тело всё ещё помнило его.

Элиан оказался рядом.

— Дышите. Медленно. Смотрите на меня.

— Не трогайте меня.

Он сразу убрал руки.

— Хорошо. Не трогаю.

Вера попыталась спустить ноги со стола, но мир качнулся. Элиан сделал движение, чтобы поддержать, и снова остановился сам.

— Леди Арден...

— Меня зовут Вера.

Она сказала это тихо.

Но в комнате слышали все.

За стеклом Каэль не отвёл глаз.

Элиан помолчал.

— Вера, дышите медленно.

Это имя прозвучало странно.

Впервые здесь кто-то произнёс его без насмешки.

Вера вцепилась пальцами в край стола и сделала вдох.

Потом ещё один.

Пульс понемногу перестал бить в горле.

Дверь открылась.

Каэль вошёл в медицинскую комнату. Не быстро. Не с тревогой на лице. Но что-то в его движениях изменилось. Они стали резче.

— Отчёт, — сказал он.

Элиан снял с панели тонкую пластину с данными.

— Имплант повреждён. Нейроперевод работает нестабильно. Есть следы старой блокировки памяти и недавнего перегруза. Печать активна, но реагирует не по архивному паттерну.

— Говорите ясно.

Элиан посмотрел на Веру, потом на Каэля.

— Она не реагирует как прежняя Лира.

Нокс у двери резко выпрямился.

— Доктор...

Элиан продолжил:

— Моторика иная. Эмоциональные реакции иные. Речевые привычки не совпадают. Она не распознаёт базовые домашние интерфейсы. Не знает протоколов одежды. Не помнит людей, но тело даёт реакции на отдельные стимулы. Это похоже не на симуляцию.

— На что? — спросил Каэль.

Элиан помедлил.

— На глубокий нейросдвиг. Или на то, чему у нас нет названия.

Вера смотрела на него и не знала, радоваться или бояться. Ей почти поверили.

Но “почти” в этом мире могло оказаться опаснее ненависти.

Каэль подошёл ближе.

Вера невольно напряглась.

Он заметил. Остановился на расстоянии.

— Вы утверждаете, что не Лира Арден.

— Да.

— Тогда кто вы?

Она устало усмехнулась.

— Я уже говорила.

— Повторите.

Вера посмотрела ему прямо в глаза.

— Вера Соколова. Тридцать четыре года. Земля. Дочь Кира. Муж Павел. Развод. Дождь. Машина.

В комнате никто не говорил.

Каэль смотрел так, будто каждое её слово было деталью в механизме, который никак не складывался.

— Земля, — повторил он.

— Да.

— Такого зарегистрированного мира в Союзе нет.

— У меня для вас плохая новость: я тоже не знала про ваш Союз.

Нокс тихо процедил:

— Идеальная легенда.

Вера повернулась к нему.

— Зачем мне легенда, в которой я умираю под машиной и теряю ребёнка?

Он замолчал.

Не потому, что поверил.

Просто не нашёл ответа сразу.

Каэль снова посмотрел на Элиана.

— Она транспортабельна?

Вера горько закрыла глаза.

Опять.

Только что она кричала от боли на столе, а он снова спрашивал, можно ли её куда-то перемещать.

Элиан ответил сухо:

— Нет. Ей нужен покой.

— Сколько?

— Минимум несколько часов без давления, допросов и повторного сканирования.

— Доктор, — начал Нокс.

— Если вы хотите, чтобы Ковчег снова проснулся прямо в медицинском крыле, можете продолжить.

Нокс замолчал.

Каэль медленно кивнул.

— Перевести в покои. Охрану усилить. Полный отчёт — мне лично.

Вера спустилась со стола. Ноги дрожали. Она ненавидела это. Ненавидела слабость, чужое тело, белые стены, браслет на руке и мужчину, который смотрел на неё так, будто она была задачей.

Но когда она пошатнулась, Каэль не схватил её.

Просто сделал шаг ближе — и остановился.

Оставил ей выбор.

Маленький. Почти незаметный.

Но Вера всё равно заметила.

Она удержалась сама.

— Я дойду.

— Вижу.

Это было всё.

Ни извинения. Ни сочувствия.

Но почему-то от этого “вижу” стало не так унижительно, как могло бы.

Позже, когда Веру увели, медицинское крыло снова стало тихим.

Элиан остался один.

Он стоял перед прозрачным экраном, где медленно вращались данные сканирования. Голубые линии. Золотые всплески. Белые зоны повреждённой памяти.

Внешнее совпадение: Лира Арден.

Кровь: Лира Арден.

Печать: Лира Арден.

Но дальше цифры начинали ломаться.

Элиан увеличил личностную карту.

На экране вспыхнула строка:

Совпадение с архивным паттерном Лиры Арден: 42%.

Он долго смотрел на эти цифры.

Потом тихо произнёс:

— Кто же вы такая, Вера Соколова?

Глава 7. Стена Памяти

Отдохнуть ей не дали.

Вера успела только вернуться в покои, сесть на край кровати и сжать ладонями виски, когда дверь снова открылась.

На этот раз вошёл не Элиан.

Каэль.

Он остановился у порога, как всегда — ровный, собранный, в чёрной форме, будто боль, крики и белый медицинский свет остались в другом мире и не имели к нему никакого отношения.

Вера посмотрела на него снизу вверх.

— Если вы пришли сообщить, что я опасна, я уже поняла.

— Встаньте.

Она медленно усмехнулась.

— Даже “пожалуйста” не предусмотрено вашим протоколом?

— Нет.

— Удобный мир.

Каэль не ответил.

За его спиной стоял Нокс. Чуть дальше — Сэна. Девушка держалась у стены, опустив глаза, но Вера заметила: лицо у неё было бледнее обычного.

— Куда теперь? — спросила Вера. — На ещё один осмотр? Или сразу на казнь, которую нельзя проводить?

Нокс резко поднял взгляд.

Каэль сказал:

— Вы хотели понимать, почему вас ненавидят.

Вера замолчала.

— Я покажу.

После этих слов спорить стало труднее.

Не потому, что она согласилась. Потому что внутри сразу стало холодно.

Она поднялась. Тело всё ещё было слабым после медицинского сканирования. Запястье ныло, браслет-ограничитель казался тяжелее, чем утром. Но просить помощи она не стала.

Каэль заметил, что она держится за край стола.

И ничего не сделал.

Только дождался, пока она выпрямится.

Это почему-то было почти уважением.

И почти жестокостью.

Они шли не по тем коридорам, что утром.

Здесь резиденция была темнее. Стены уже не сияли холодным синим светом, а казались почти чёрными. Вдоль пола тянулись тонкие серебряные полосы. Вера сначала решила, что это украшение, но потом заметила: полосы сходятся к одному направлению, как дороги.

— Это тоже часть вашего дома? — спросила она.

— Часть памяти Астерры, — ответил Каэль.

— Красиво сказано.

— Это не украшение.

Он не стал объяснять дальше.

Они вышли к широкому переходу с прозрачной стеной. За ней падал ледяной дождь. Капли не стекали вниз, как на Земле, а будто распадались на тонкую пыль и исчезали у самого стекла.

Вдалеке, над городом, висел Ковчег.

Вера старалась не смотреть на него.

Но всё равно смотрела.

С каждым разом он казался менее мёртвым.

У перехода стояли люди. Офицеры. Служащие. Кто-то в сером, кто-то в чёрном. При виде Каэля они склоняли головы. При виде Веры — замолкали.

Одна женщина отвернулась так резко, будто её ударили.

Мужчина в форме сжал кулаки.

Вера опустила глаза.

Не из покорности.

Просто не выдержала.

— Они знают, куда вы меня ведёте? — спросила она.

— Да.

— И поэтому смотрят так?

— Они смотрят так всегда.

Нокс, шедший сбоку, тихо сказал:

— Просто раньше вы не замечали.

Вера повернула голову.

— Лира не замечала?

— Лира смотрела поверх людей.

Она хотела ответить. Хотела сказать, что она не Лира. Но слова застряли.

Сегодня они действительно звучали бы жалко.

Перед ними открылись высокие двери.

Не металлические, как остальные. Каменные. Тёмные, тяжёлые, без ручек. На поверхности были выгравированы тысячи коротких линий. Сначала Вера не поняла, что это. Потом увидела: имена.

Имена начинались уже на дверях.

Каэль приложил ладонь к панели сбоку.

Двери разошлись.

За ними был зал.

Огромный.

Тихий.

Такой тихий, что Вера услышала, как у неё перехватило дыхание.

Стена Памяти занимала всё пространство впереди. От пола до самого высокого свода. Тёмный камень, прорезанный серебряными строками. Тысячи имён. Десятки тысяч, может быть. Они мерцали слабо, будто под камнем горел холодный свет.

Перед стеной висели тонкие металлические ленты.

Серебряные.

Их было так много, что они казались дождём, застывшим в воздухе. От каждого движения воздуха ленты едва звенели.

Тихо. Почти нежно.

Этот звук ударил сильнее крика.

Вера остановилась.

— Что это?

Сэна ответила не сразу.

— Ленты семей.

Голос у неё был глухой.

— После гибели вывешивают у двери. Потом часть приносят сюда.

Вера смотрела на серебряный дождь и вдруг вспомнила слова Сэны:

“Из-за вас у половины города звенят похоронные ленты.”

Теперь она слышала, как это звучит.

Не образно.

По-настоящему.

Тонко. Бесконечно. Невыносимо.

Каэль прошёл вперёд.

Вера не сразу последовала за ним. Ноги будто приросли к полу.

Нокс остановился рядом со Стеной. Его лицо изменилось. Ненависть никуда не исчезла, но стала тише. Глубже. Больше похожей на рану.

Сэна осталась у входа.

— Подойдите, — сказал Каэль.

Вера заставила себя сделать шаг.

Потом ещё.

Имена становились различными.

Ранн Ро.

Мира Тейн.

Элиас Вар.

Седьмая эскадра.

Гражданский сектор “Нижний-Восемь”.

Детский медицинский модуль.

Вера моргнула.

Детский.

Она подняла глаза выше.

Там были не только военные.

— Здесь... дети?

Каэль не ответил.

Ответил Нокс.

— После передачи кодов удар пришёл не только по кораблям. Обломки пробили нижний защитный купол. Погибли семьи техников. Врачи. Дети. Те, кто даже не знал вашего имени, леди Арден.

Вера медленно повернулась к нему.

Он смотрел не на неё. На одно имя.

Мира Тейн.

— Это ваша сестра?

Нокс не ответил.

Но ответ был на его лице.

Вера почувствовала, как горло сжалось.

Мира Тейн.

Она не знала эту женщину. Не знала её возраста, голоса, привычек. Была ли она строгой, весёлой, уставшей, любила ли светящиеся океаны или боялась летать. Но имя на камне вдруг стало тяжелее всех обвинений.

Потому что имя — это уже не “эскадра”.

Не “потери”.

Не “протокол”.

Человек.

— Сколько? — спросила Вера.

Каэль стоял рядом, не глядя на неё.

— Официально — восемь тысяч четыреста двенадцать погибших.

Вера закрыла глаза.

Восемь тысяч.

Она не могла представить.

Павел уничтожал её ровным голосом на кухне, и ей казалось, что это конец мира.

А здесь на стене были тысячи концов.

Чужих.

Настоящих.

— И все думают, что это сделала Лира?

— Не думают, — сказал Нокс. — Знают.

Вера открыла глаза.

— А если записи подделали?

Нокс резко повернулся.

— Не смейте.

— Я спрашиваю.

— Вы не имеете права спрашивать здесь.

— А я имею право знать, за что меня хотят казнить?

Он сделал шаг к ней.

— Вас? — Его голос стал ниже. — Вас, значит?

Каэль произнёс:

— Нокс.

Но капитан уже не мог остановиться.

— Моя сестра отправила мне сообщение за час до гибели. Знаете, что она написала? “После дежурства заеду к тебе. Не ешь этот мерзкий офицерский паёк”. Вот и всё. Последнее сообщение. А потом ваша передача открыла врагу коридор.

Вера стояла неподвижно.

Нокс смотрел ей прямо в лицо.

— Так что не спрашивайте здесь про подделанные записи, леди Арден. Здесь лежат те, кто заплатил за вашу игру.

Каждое слово било.

Вера могла бы крикнуть. Могла бы снова сказать, что она не Лира. Что у неё была другая жизнь, другая смерть, другая дочь. Что она не знает их кодов, кораблей и эскадр.

Но рядом висели ленты.

И звенели.

И от этого любой крик казался неправильным.

Она медленно повернулась к Стене.

— Где имя брата Сэны?

Сэна у входа вздрогнула.

Нокс замолчал.

Каэль посмотрел на Веру чуть внимательнее.

— Зачем вам? — спросил он.

— Я хочу увидеть.

Никто не ответил.

Тогда Сэна сама подошла. Не сразу. Медленно. Как будто каждый шаг давался ей тяжело. Она остановилась у нижней части Стены и подняла руку.

Но не коснулась.

— Здесь.

Вера наклонилась.

Ранн Ро.

Двадцать шесть лет.

Технический расчёт нижнего купола.

Вера прочитала имя несколько раз.

Ранн.

Брат Сэны.

Не “погибший сектор”. Не “побочные потери”.

Ранн.

— Сколько ему было? — спросила Вера.

— Двадцать шесть, — ответила Сэна. — Он должен был жениться весной.

Голос у неё не дрожал.

От этого было хуже.

— Он любил чинить старые лифты, хотя все говорили, что их проще списать. Говорил, что вещи не виноваты, если их

бросили.

Вера опустила взгляд.

Слова Сэны попали куда-то очень глубоко.

Вещи не виноваты, если их бросили.

Она сама чувствовала себя такой вещью.

Только здесь, у Стены, это уже не имело значения.

— Мне жаль, — сказала Вера.

Сэна резко сжала пальцы.

— Не надо.

— Я знаю, что это ничего не исправит.

— Тогда зачем говорите?

Вера не сразу ответила.

— Потому что молчать было бы хуже.

Сэна отвернулась.

Но не ушла.

Каэль всё это время стоял неподвижно. Наблюдал. Изменял. Решал, что из её поведения правда, а что может быть игрой.

Вера уже почти привыкла к его взгляду.

Почти.

Она подняла руку к Стене.

— Можно?

Нокс резко сказал:

— Нет.

Сэна не обернулась.

Каэль молчал.

Вера всё равно не коснулась сразу.

— Я не собираюсь оскорблять их память.

— Вы уже сделали это своим присутствием, — сказал

Нокс.

Она посмотрела на него.

— Тогда почему вы привели меня сюда?

Этот вопрос был к Каэлю.

Он ответил после паузы:

— Чтобы вы перестали прятаться за словами “я не помню”.

Вера кивнула.

Медленно.

— Хорошо.

И коснулась камня.

Не имени Ноксовой сестры. Не имени брата Сэны. Просто места между строками, где холодный камень разделял тысячи судеб.

Стена была ледяной.

Но через секунду под ладонью что-то дрогнуло.

Золотая линия на её запястье вспыхнула.

Вера вскрикнула, но не от боли — от неожиданности.

По камню от её ладони побежал тонкий золотой свет.

Нокс выругался.

Сэна резко отступила.

Каэль схватил Веру за запястье, но тут же замер: золотой свет перекинулся на его перчатку и погас у края чёрной тка-

ни.

— Не двигайтесь, — сказал он.

— Я ничего не делаю!

Свет полз по Стене, не трогая большинство имён. Он искал. Скользил по серебряным строкам вверх, потом в сторону, потом вдруг остановился в пустом месте.

Там, где не было имени.

Камень треснул тонкой линией.

Изнутри проступили буквы.

Не серебряные.

Золотые.

Все в зале молчали.

Вера не понимала, что видит, но по лицу Каэля поняла: этого имени здесь быть не должно.

На Стене проявилась строка:

Эндар Вейр. Доступ закрыт. Причина смерти: засекречено.

Нокс побледнел.

Сэна прошептала:

— Его не было в списках.

Каэль отпустил запястье Веры.

Очень медленно.

— Теперь есть, — сказал он.

И в его голосе впервые прозвучала не ненависть.

А тревога.

Глава 8. Сделка с врагом

— Теперь есть, — сказал Каэль.

И эти два слова изменили всё.

Вера всё ещё стояла у Стены Памяти, прижимая ладонь к груди, будто могла удержать сердце на месте. Золотой свет уже погас, но имя осталось.

Эндар Вейр. Доступ закрыт. Причина смерти: засекречено.

Буквы больше не мерцали. Они просто были.

Как будто всегда находились там, под камнем, под тысячами имён, под чужой болью, под ложью, которую кто-то очень тщательно прятал.

Нокс смотрел на строку так, словно она ударила его сильнее, чем Вера.

— Вейр? — произнёс он. — Какого проклятого Разлома здесь имя Вейра?

Сэна молчала. Лицо у неё стало совсем белым. Она больше не смотрела на имя брата. Теперь смотрела на новое имя, проступившее золотом.

Каэль повернулся к Вере.

— Что вы сделали?

Вера даже не сразу поняла, что вопрос обращён к ней.

— Я? — Она с трудом выдохнула. — Ничего.

— Вы коснулись Стены.

— Вы сами привели меня сюда!

— И после вашего прикосновения на закрытом мемориале проявилось засекреченное имя.

— Я не знаю, кто это!

Нокс шагнул к ней.

— Удобно выходит. Вы не знаете ничего, но каждый раз после вашего “ничего” просыпается древняя система.

Вера повернулась к нему резко.

— А вы думаете, мне от этого легче?

— Думаю, вы прекрасно умеете делать вид.

Она хотела ответить, но Каэль поднял руку.

— Хватит.

Нокс замолчал, хотя по лицу было видно — не потому, что согласен.

Каэль подошёл ближе к Стене. Не касался. Просто смотрел на имя. Вера заметила, как изменилась линия его плеч. Он не был испуган. Этот человек, кажется, вообще не позволял себе пугаться.

Но насторожился.

— Кто такой Эндар Вейр? — спросила Вера.

Каэль не ответил сразу.

— Офицер внутренней разведки. Считался пропавшим за три месяца до катастрофы седьмой эскадры.

— Считался?

— Его тело не нашли.

— Тогда почему его имя на Стене погибших?

— Именно это я и хочу узнать.

Вера посмотрела на золотые буквы.

— А почему доступ закрыт?

Каэль перевёл на неё взгляд.

— Потому что кто-то закрыл.

От этих слов в зале стало холоднее.

Сэна тихо сказала:

— Имена погибших не скрывают.

Нокс посмотрел на неё.

— Иногда скрывают предателей.

— Или свидетелей, — сказала Вера.

Она не знала, почему сказала это. Мысль появилась сама.

Простая. Почти земная. Если имя прячут, значит, не всегда потому, что человек виноват. Иногда потому, что он видел что-то лишнее.

Каэль посмотрел на неё внимательнее.

— Почему вы так решили?

— Потому что в моём мире тоже прячут не только виновных.

Она пожалела о словах сразу.

Нокс криво усмехнулся.

— Ваш мир снова очень удобно появляется в разговоре.

— Нокс, — произнёс Каэль.

— Она играет вами, командующий.

— Я сказал достаточно.

Вера неожиданно почувствовала не благодарность, а раз-

дражение. Каэль мог остановить Нокса. Мог приказать всем молчать. Мог защитить её от прямой грубости.

Но не мог назвать её человеком.

Он всё ещё смотрел как на риск.

Как на карту, которая вдруг показала неизвестный сектор.

— Роэна, — сказал Каэль одному из офицеров у входа. — Немедленно.

Офицер склонил голову и вышел.

— Роэн Вейр? — спросила Вера.

Каэль не удивился, что она знает фамилию. Наверное, решил, что тело Лиры снова “помнит”.

— Глава внутренней разведки.

Нокс глухо добавил:

— И единственный человек в этом доме, которому понравится такая мерзость.

Прошло не больше нескольких минут.

Двери зала открылись, и вошёл мужчина в тёмной форме без лишних знаков отличия. Он двигался легко, почти бесшумно, словно Стена Памяти была не святым местом, а очередным коридором, где важно не наступить на чужую тень.

Вера сразу поняла: это не солдат вроде Нокса.

И не командующий вроде Каэля.

Этот человек улыбался.

Но от улыбки спокойнее не становилось.

У него были пепельные волосы, янтарные глаза и выражение лица, будто он уже знал конец разговора, а начало слу-

шал из вежливости.

— Каэль, — сказал он. — Мне передали, что мёртвые решили обновить список.

Нокс зло посмотрел на него.

— Вейр.

— Тейн, — ответил тот мягко. — Как всегда, рад вашему жизнеутверждающему настроению.

Потом его взгляд перешёл на Веру.

Улыбка стала чуть тоньше.

— Леди Арден.

— Вера, — сказала она устало.

— Вот даже как.

— Да, даже так.

Роэн Вейр прищурился с лёгким интересом.

— Любопытно. Прежняя Лира поправила бы меня так, чтобы я пожалел о родословной. Вы поправляете так, будто вам просто надоело.

— Мне действительно надоело.

— Верю.

— Не похоже.

— Я вообще редко верю сразу. Профессиональная порча.

Каэль прервал их:

— Имя.

Роэн подошёл к Стене.

Улыбка исчезла.

На миг его лицо стало другим. Не насмешливым, не лёг-

ким. Очень внимательным. Почти жёстким.

— Эндар, — произнёс он тихо.

— Вы его знали? — спросила Вера.

— Все в доме Вейр знали Эндара. Он был слишком честен для разведчика и слишком умён, чтобы жить долго.

— Роэн, — сказал Каэль.

— Да, я понимаю.

Роэн вынул из рукава тонкую чёрную пластину. Она раскрылась в воздухе прозрачным экраном. Он провёл пальцами по символам, и над золотым именем появились тонкие линии сканирования.

— Доступ закрыт старым кодом. Не резиденции. Не флота. Нашим.

Нокс выругался.

Каэль нахмурился.

— Дом Вейр скрыл имя на Стене?

— Кто-то с доступом дома Вейр, — спокойно поправил Роэн. — Не будем обвинять весь род до завтрака. Хотя понимаю, соблазн приятный.

Нокс шагнул ближе.

— Твой род и так слишком часто рядом с грязью.

Роэн повернулся к нему.

— А ваш, капитан, слишком часто принимает грязь за доказательство.

— Хватит, — сказал Каэль.

Оба замолчали.

Вера смотрела на них и впервые видела не просто ненависть к Лире. Видела трещины внутри самой Астерры. Они все говорили о долге, планете, памяти. Но за каждым стояли свои дома, свои тайны, свои мёртвые.

Роэн закончил сканирование и сложил пластину.

— Я заберу данные мемориала.

— Под мой доступ, — сказал Каэль.

— Разумеется. Я же не самоубийца. Пока.

Он снова посмотрел на Веру.

— А с вами, леди Вера, всё становится ещё интереснее.

— Я не хотела ничего активировать.

— Самые интересные катастрофы обычно начинаются именно так.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Я редко успокаиваю людей. Я их проверяю.

Вера почти улыбнулась от усталости.

— Отлично. Ещё один.

Роэн склонил голову, будто принял комплимент.

Каэль повернулся к Ноксу:

— Зал закрыть. Все свидетели — под молчание. Сэна Ро возвращается в жилой сектор леди Арден.

Сэна подняла глаза.

— Командующий...

— Вы видели достаточно. И будете молчать.

— Да, командующий.

Её голос был ровным, но Вера видела, как пальцы девуш-

ки сжались на ткани рукава.

Она хотела что-то сказать Сэне. Хоть что-то. Но не нашла слов.

Каэль уже шёл к выходу.

— Лира. Со мной.

Вера не двинулась.

Он остановился.

— Вера, — сказала она.

Снова тишина.

Нокс отвернулся.

Роэн заинтересованно поднял брови.

Каэль смотрел на неё несколько долгих секунд.

— Со мной, — повторил он.

Имени не сказал.

Но и Лирой не назвал.

Вера решила, что на сегодня это тоже маленькая победа.

Кабинет Каэля был похож на него.

Большой. Холодный. Ничего лишнего.

Огромное окно выходило на город и Ковчег. Чёрный стол. Несколько прозрачных экранов. На стене — знак дома Рэйд: строгие линии, похожие на клинок и орбиту одновременно.

Вера стояла посреди кабинета и чувствовала себя школьницей у директора. Только директор мог приказать закрыть планету, а школьницу собирались судить за измену.

Каэль обошёл стол, но не сел.

— Объясните.

— Я не знаю, как.

— Попробуйте.

— Я коснулась Стены. Имя появилось. Всё.

— Почему именно это имя?

— Откуда мне знать?

— Потому что Ковчег и Нейрокора реагируют на вас.

— Они реагируют на это тело.

— Возможно.

Вера вскинула голову.

— Возможно?

Каэль помолчал.

— Элиан считает, что ваша личность не совпадает с архивной Лирой.

Вера вдруг почувствовала, как внутри дрогнула надежда.

Маленькая. Глупая.

— Значит, вы верите?

— Нет.

Надежда погасла быстро.

— Тогда зачем сказали?

— Потому что я учитываю факты. Ваши объяснения невозможны. Но ваши реакции не соответствуют Лире.

— И что я теперь для вас? Удобная загадка?

— Опасная.

Она усмехнулась.

— Конечно.

— Вы не понимаете положения.

— Я прекрасно понимаю. Меня снова заперли, снова называют чужим именем, снова решают, что со мной делать, и снова объясняют это моей же безопасностью.

Каэль внимательно смотрел на неё.

— Снова?

Вера замолчала.

Он заметил.

Он всё замечал. Это раздражало сильнее всего.

— Неважно.

— Важно всё, что может объяснить вашу память.

— Это не ваша память.

— Теперь всё, что связано с вами, связано с безопасностью Астерры.

— Нет. Не всё. Есть вещи, которые принадлежат только мне.

Каэль медленно подошёл ближе. Не вплотную. На расстояние, где его присутствие уже давило.

— Тогда вам придётся научиться отделять личное от того, что может убить тысячи.

Вера побледнела.

— Не смейте.

— Что?

— Использовать их против меня. Тех людей на Стене. Я их видела. Мне жаль. Правда жаль. Но я не позволю вам каждый раз тыкать меня их именами, чтобы я соглашалась на всё.

В его глазах что-то изменилось.

Не мягкость.

Но он услышал.

— Тогда сделка, — сказал Каэль.

Вера насторожилась.

— Какая?

— Вы сотрудничаете. Проходите проверки только в присутствии Элиана и только с моим разрешением. Принимаете участие в ограниченных синхронизациях, если Ковчег потребует доступ. Не пытаетесь сбежать. Не скрываете активации, видения, реакции тела.

— А вы?

— Я не выдаю вас Центральному Совету. Не передаю дому Морвен для глубокого исследования. Не допускаю повторного трибунала до выяснения причины активации Ковчега.

Вера медленно выдохнула.

Слова были страшными именно потому, что звучали разумно.

Он не предлагал свободу.

Он предлагал более безопасную клетку.

— То есть я должна довериться вам?

— Нет.

— Нет?

— Доверие здесь не требуется. Только соблюдение условий.

Она почти рассмеялась.

— Удивительно романтично для мужа.

Каэль не дрогнул.

— Наш брак — политический протокол.

— Для вас.

— И для Лиры Арден.

Эти слова неожиданно задели.

Не потому, что Вера хотела быть его женой. Нет. От самой мысли становилось неудобно. Но она вдруг поняла: даже в этом мире её не воспринимали как женщину, которую можно выбрать. Только как договор. Кровь. Доступ.

Ненужная жена.

В первом мире Павел хотел убрать её из жизни, потому что она стала неудобной.

Во втором её оставляли рядом, потому что она стала полезной.

Разница была. Но унижение почему-то ощущалось одинаково.

— Я хочу условие, — сказала Вера.

Каэль чуть прищурился.

— Говорите.

— Меня не называют ключом.

— Это несущественно.

— Для вас.

— Для планеты...

— Я не планета! — Она сорвалась, но тут же застави-

ла себя говорить тише. — Я человек. Вы можете не верить, что я Вера. Можете считать меня Лирой. Предательницей. Риском. Но я не вещь. Не код. Не ключ. Если хотите моего сотрудничества, начните хотя бы с этого.

Каэль молчал.

Долго.

За окном по стеклу пошёл ледяной дождь. Капли разбивались о невидимый защитный слой и исчезали серой пылью.

— В официальных документах термин останется, — сказал он наконец.

Вера сжала губы.

— Конечно.

— В обращениях персонала — нет.

Она посмотрела на него.

— Это приказ?

— Будет.

Странно, но от этого в груди стало чуть легче.

Не тепло.

Нет.

Просто как будто в тёмной комнате открыли щель.

— И ещё, — сказала она.

— Осторожнее.

— Я хочу знать, что происходит с моим телом. Все результаты Элиана. Все проверки. Никаких разговоров обо мне за моей спиной, если речь о моей крови, памяти или этом... — она подняла запястье, — знаке.

— Вы не поймёте половину терминов.

— Тогда пусть объяснят простыми словами.

Роэн, стоявший у двери так тихо, что Вера почти забыла о нём, вдруг усмехнулся.

— Мне начинает нравиться новая версия леди Арден.

Каэль бросил на него короткий взгляд.

— Вас никто не спрашивал.

— В этом доме меня редко спрашивают. Поэтому я сам.

Вера повернулась к Роэну.

— Вы всё ещё здесь?

— Разведка всегда там, где ей не рады.

— Прекрасно.

Роэн улыбнулся.

— Не волнуйтесь. Если вы врёте, я узнаю. Если не врёте — тоже.

— Утешили.

— Я старался.

Каэль вернул разговор:

— Ваши условия приняты частично. Вы сотрудничаете. Я ограничиваю доступ к вам. Любая попытка побега отменяет сделку.

Вера посмотрела на него.

— А если вы нарушите?

— Я не нарушаю договоры.

— Павел тоже говорил красиво.

Имя вырвалось случайно.

Каэль сразу заметил.

— Павел?

Вера резко отвернулась к окну.

— Никто.

— Из вашего мира?

— Я сказала — никто.

Каэль не стал давить.

Это удивило.

Он просто сказал:

— Сделка действует с этого момента.

— Я могу вернуться в комнату?

— В покои.

— Какая разница?

— Комната — для гостей. Покои — для членов дома.

Вера тихо усмехнулась.

— Дома, который меня ненавидит.

Каэль не ответил.

У двери он остановил одного из офицеров.

— Передать всем секторам резиденции: в устных обращениях использовать “леди Арден”. Термины “ключ”, “носительница” и “биологический доступ” без моего разрешения запрещены.

Офицер склонил голову.

— Да, командующий.

Вера стояла неподвижно.

Это было не её имя.

Не её свобода.

Не её победа.

Но впервые за эти страшные сутки кто-то убрал хотя бы одно слово, которым её превращали в вещь.

Она не поблагодарила.

Не смогла.

Каэль, кажется, и не ждал.

В этот момент один из экранов на его столе вспыхнул красным.

Роэн перестал улыбаться.

Каэль повернулся к сигналу.

— Доклад.

Из воздуха возник голос дежурного офицера:

— Командующий, поступил официальный запрос Центрального Совета. Приоритет высший.

— Содержание.

— Посланник Совета Аурен Дакс уже вошёл в систему Астерры. Требуется подтверждения готовности к передаче Лирры Арден под юрисдикцию Союза.

Вера почувствовала, как холод снова поднимается по спине.

Каэль медленно повернулся к ней.

Теперь его лицо было совсем неподвижным.

— Похоже, — тихо сказал Роэн, — сделка понадобилась нам быстрее, чем мы думали.

Глава 9. Посланник Совета

Аурен Дакс прибыл на Астерру под ледяным дождём.

Вера увидела его корабль из окна зала приёма: светлый, гладкий, почти красивый. Он не был похож на астеррийские военные суда, которые она видела на голографических схемах в коридорах резиденции. Те казались тяжёлыми, чёрными, угловатыми — будто их строили не летать, а выживать после удара.

Корабль Совета выглядел иначе.

Чистая серебристая линия в фиолетовом небе. Ни грубых орудийных колец, ни синих боевых полос. Он опустился на верхнюю платформу бесшумно, словно не прибыл, а был разрешён миру.

— Красивый, — сказала Вера тихо.

Сэна, стоявшая у стены, не сразу ответила.

— У центральных миров всё красивое.

— Это плохо?

— Не всегда. Но обычно дорого обходится тем, кто смотрит снизу.

Вера повернулась к ней.

Сэна была сегодня ещё тише, чем обычно. После Стены Памяти она почти не разговаривала. Делала всё правильно: принесла одежду, помогла застегнуть жёсткий ворот, проверила браслет, поправила волосы. Но между ними снова сто-

яла серебряная лента и имя Ранн Ро.

Вера не знала, как пройти через это молчание.

— Ты тоже будешь там? — спросила она.

— Нет. Служащих нижнего допуска не пускают на приём Совета.

— А если мне станет плохо?

Сэна посмотрела на неё.

— Тогда вас подхватят офицеры.

— Утешила.

— Я не умею утешать верхних.

Вера хотела ответить, что она не верхняя. Но в зеркальной панели напротив отражалась Лира Арден: бледная, прямая, в тёмном платье с высоким воротом и золотой линией на запястье.

Для всех остальных она была верхней.

И предательницей.

И женой командующего.

Сэна подошла ближе и тихо сказала:

— С посланником Совета будьте осторожнее.

Вера удивилась.

— Ты же не любишь Каэля.

Сэна вздрогнула от того, как просто Вера произнесла имя командующего.

— Дело не в любви.

— А в чём?

— Командующий страшный. Но он астерриец.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Просто Совет не зря улыбается.

Вера посмотрела на корабль за стеклом.

Он и правда казался слишком спокойным.

Слишком чистым.

Как папка Павла на кухонном столе.

Зал приёма был огромным и почти пустым.

На Астерре, кажется, не любили лишнюю роскошь. Даже официальные залы здесь выглядели как военные помещения, которым разрешили быть немного красивее. Чёрный камень. Высокие окна. Длинный стол. Знаки домов на стенах. Серебряные линии в полу, уходящие к дверям.

Каэль стоял у окна.

В чёрной форме. Без плаща. В перчатках. С прямой спиной и лицом человека, которому не нужно занимать трон, чтобы все понимали, где власть.

Рядом с ним были Роэн и Нокс.

Роэн улыбался, как всегда. Нокс смотрел так, будто ждал команды ударить.

Вера вошла, и разговоры стихли.

Это уже стало привычным.

И всё равно каждый раз внутри что-то болезненно сжималось.

Каэль повернул голову.

Его взгляд прошёл по ней быстро: лицо, запястье, браслет, золотая линия. Проверка состояния. Не любование. Не

интерес. Контроль.

— Стойте рядом со мной, — сказал он.

— Почему?

— Потому что Совет прибыл за вами.

Вера тихо усмехнулась.

— Как приятно быть причиной праздника.

Роэн чуть склонился к ней.

— На Астерре это не праздник, леди Арден. Это проверка, после которой обычно кто-то теряет власть, свободу или голову. Иногда всё сразу.

— Спасибо. Мне сразу легче.

— Всегда рад помочь.

Каэль бросил на него короткий взгляд.

Роэн замолчал, но улыбаться не перестал.

Двери открылись.

Сначала вошли двое людей в светлой форме без оружия. Потом женщина с гладко убранными волосами и планшетом в тонких пальцах. Она окинула зал быстрым холодным взглядом и остановилась чуть позади главного.

А потом вошёл Аурен Дакс.

Вера сразу поняла, почему Сэна сказала про улыбку.

Он действительно улыбался.

Не широко. Не нагло. Мягко. Почти сочувственно.

Ему было около пятидесяти, но выглядел он моложе: ухоженный, спокойный, в светлом дипломатическом костюме, который на фоне чёрных астеррийских форм казался почти

тёплым. Волосы гладко зачёсаны назад. Движения плавные. Ни одной резкой линии.

От него пахло чем-то дорогим и незнакомым — не металлом, не озоном, не холодом. Чем-то цветочным и чистым.

Вера вдруг вспомнила чужие духи в своей квартире.

И сразу напряглась.

Аурен поклонился Каэлю ровно настолько, насколько требовал этикет, но не больше.

— Командующий Рэйд.

— Посланник Дакс.

Голоса у них были разными.

Каэль говорил как приказ.

Аурен — как приглашение сесть в удобное кресло и рассказать всё самому.

— Я благодарю вас за быстрый приём, — сказал Аурен.

— Учитывая обстоятельства, я ожидал большего сопротивления.

— Вы его получите, если перейдёте границы полномочий.

Аурен мягко улыбнулся.

— Приятно видеть, что Астерра всё ещё гостеприимна по-своему.

Роэн тихо пробормотал:

— Он мне уже не нравится.

Вера едва удержалась, чтобы не посмотреть на него.

Аурен перевёл взгляд на неё.

И вот тут Вера почувствовала странное.

Он смотрел не как Нокс — с ненавистью. Не как Эйра — с холодным презрением. Не как Элиан — с профессиональным интересом. И не как Каэль — с постоянной готовностью увидеть угрозу.

Аурен смотрел так, будто видел перед собой женщину.

Не ключ.

Не преступницу.

Не риск.

Женщину, которой плохо.

— Леди Арден, — сказал он мягко.

Вера напряглась.

— Я предпочитаю...

— Вера? — закончил он.

В зале стало тихо.

Каэль даже не повернулся, но воздух рядом с ним будто стал жёстче.

Вера медленно выдохнула.

— Откуда вы знаете?

Аурен сделал шаг ближе, но остановился на безопасном расстоянии. Не вторгался. Не давил. Именно это сразу заставило её расслабиться — и насторожиться одновременно.

— Центральный Совет получает предварительные медицинские отчёты по делам межпланетной безопасности.

Элиан, стоявший у дальнего края зала, едва заметно нагнулся.

Каэль сказал:

— Отчёты резиденции не передавались.

Аурен повернулся к нему с тем же спокойствием.

— Официально — нет.

Роэн перестал улыбаться.

— Как интересно.

— Именно поэтому я здесь, — продолжил Аурен. — На Астерре произошёл инцидент с древней системой, связанной с обвиняемой в государственной измене. После этого появились сведения о возможном нейросдвиге, изменении личности и незаконном удержании леди Арден в военной резиденции без независимой экспертизы.

— Она не передаётся Совету, — сказал Каэль.

— Я ещё не попросил.

— Вы прилетели не за погодой.

Аурен улыбнулся чуть заметнее.

— На вашей планете она слишком сурова для моего вкуса.

Потом он снова повернулся к Вере.

— Леди... Вера. Позвольте уточнить: вам предоставили независимого защитника?

Вера не сразу поняла вопрос.

— Нет.

— Вам объяснили ваши права согласно юрисдикции Союза?

Она посмотрела на Каэля.

Он молчал.

— Нет.

— Вам дали возможность отказаться от медицинских процедур?

Вера вспомнила белый стол, кольца над лицом, боль в запястье.

— Не совсем.

Элиан тихо сказал:

— Процедура была остановлена по приказу командующего.

— После начала, доктор Морвен, — мягко ответил Аурен.

— Не до.

Вера смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается опасное чувство.

Надежда.

Он говорил то, что никто здесь не говорил вслух.

Что с ней нельзя так.

Что у неё могут быть права.

Что Каэль не имеет права просто решать.

И от этого хотелось поверить.

Почти отчаянно.

Каэль, кажется, это понял.

— Посланник Дакс, — произнёс он. — Ли́ра Арден обвиняется в преступлениях против Астерры. Её связь с Ковчегом делает передачу невозможной.

— Обвиняется, — повторил Аурен. — Не признана виновной.

Нокс резко шагнул вперёд.

— Тысячи погибших признали её раньше суда.

— Капитан Тейн, — сказал Аурен с лёгкой печалью, — горе не является приговором. Хотя я понимаю вашу боль.

Нокс побледнел от ярости.

Роэн тихо сказал:

— Осторожно, посланник. У нас тут горе иногда носит оружие.

Аурен не посмотрел на него.

— Именно поэтому закон должен стоять выше личной боли.

Вера почувствовала, как эти слова попадают точно в слабое место.

Закон выше боли.

Разве не этого она хотела на Земле? Чтобы кто-то посмотрел на факты, а не на Павлов спокойный голос? Чтобы её услышали не как “истеричную жену”, а как человека?

Аурен словно говорил с той Верой, которая стояла под дождём перед фарами.

— Вера, — сказал он тише. — Вы не обязаны оставаться пленницей чужого военного долга.

Каэль повернул к нему голову.

— Вы обращаетесь к ней без разрешения.

— Я обращаюсь к гражданке Союза, чьё состояние вызывает серьёзные правовые вопросы.

— Она гражданка Астерры по брачному протоколу и крови Арден.

— Она человек до любого протокола.

Вера замерла.

Человек.

Он сказал это так просто.

Как будто это было очевидно.

В горле внезапно защипало.

Каэль посмотрел на неё.

И в этот момент Вера разозлилась на него сильнее, чем раньше.

Потому что он видел, как на неё подействовали эти слова.

И, наверное, уже считал это слабостью.

— Что вы предлагаете? — спросила она у Аурена.

Каэль резко произнёс:

— Вера.

Она вздрогнула.

Он впервые назвал её так сам.

Но сейчас это прозвучало не как признание.

Как предупреждение.

Аурен заметил. Конечно, заметил.

— Я предлагаю независимую экспертизу, юридический пересмотр вашего статуса и временный перевод под защиту Центрального Совета.

— Перевод куда?

— На орбитальную станцию Союза. Там вам предоставят врачей, защитника и возможность дать показания без давления военного дома.

Без давления.

Вера почти почувствовала, как ослабляется браслет на запястье. Хотя он, конечно, оставался на месте.

— А если я не Лира? — спросила она.

Аурен не удивился.

— Тогда тем более вас нельзя держать здесь как Лиру.

В зале снова стало тихо.

Эти слова были слишком правильными.

Слишком нужными.

Каэль сказал:

— Совет не защищает. Совет забирает.

Аурен повернулся к нему.

— Удобная формулировка для человека, который уже забрал её себе.

Вера почувствовала, как воздух между ними стал опасным.

Нокс положил руку на рукоять оружия.

Роэн сделал шаг в сторону, закрывая угол обзора на Веру. Не явно. Но она заметила.

Элиан тихо наблюдал, и лицо у него было всё более тревожным.

Каэль не повысил голос.

— Лира Арден остаётся на Астерре.

— На каком основании?

— Планетарная безопасность.

— Или личная ненависть?

Нокс почти сорвался, но Роэн перехватил его взглядом.
Каэль молчал.

Аурен мягко продолжил:

— Командующий, закон существует именно для тех слушаев, когда личная боль мешает справедливости.

Вера посмотрела на Каэля.

Он стоял неподвижно.

Но теперь она впервые задумалась: а если Аурен прав?

Если Каэль держит её не только из-за Ковчега. Не только из-за планеты. А потому что видит в её лице женщину, которую ненавидит. И потому любой его “протокол” уже отравлен этой ненавистью.

Каэль встретил её взгляд.

— Вы ему верите? — спросил он.

Вера не ответила сразу.

Потому что не знала.

Аурен давал слова, которых ей не хватало.

Каэль давал клетку, в которой она хотя бы пока была жива.

Как выбрать между человеком, который держит тебя силой, и человеком, который слишком красиво обещает свободу?

— Я верю, что мне не сказали всей правды, — сказала она наконец.

Каэль ничего не ответил.

Но что-то в его лице стало холоднее.

Аурен склонил голову.

— Разумный ответ.

Он сделал небольшой жест женщине за своей спиной. Та передала ему тонкую прозрачную пластину. Аурен положил её на край стола, но не активировал.

— Официальное требование Совета о передаче леди Арден будет рассмотрено через шесть часов. До этого я прошу о личной беседе с ней.

— Отказано, — сказал Каэль.

— В присутствии вашего врача и моего юриста.

— Отказано.

— Тогда Совет зафиксирует препятствование расследованию.

Каэль чуть наклонил голову.

— Зафиксируйте.

Аурен улыбнулся.

— Как скажете.

Вера вдруг поняла, что оба мужчины опять говорят не с ней.

О ней.

Через неё.

Как Павел и адвокат. Как врачи и офицеры. Как Каэль и Элиан. Как все.

Она шагнула вперёд.

— А меня спросить никто не хочет?

Все повернулись.

Вера почувствовала, как дрожат пальцы, и сжала их в ку-

лак.

— Я хочу услышать, что он скажет.

Каэль смотрел на неё долго.

— Вы не понимаете, с кем говорите.

— Возможно. Зато отлично понимаю, с кем молчу.

Эта фраза ударила сильнее, чем она ожидала.

Каэль не двинулся.

Аурен опустил глаза, скрывая улыбку.

— Полчаса, — сказал Каэль наконец. — Здесь. При мне.

— Командующий, — начал Аурен.

— Или никак.

Аурен подумал.

— Полчаса — лучше, чем тишина.

Вера не знала, победила она или снова позволила им договориться вокруг себя.

Скорее второе.

Но хотя бы теперь её голос прозвучал.

Беседа длилась меньше получаса.

На самом деле Аурен почти не спрашивал.

Он говорил.

О том, что Совет обязан защищать личность от злоупотребления военной властью. О том, что брачный протокол можно оспорить, если одна из сторон признана недееспособной или принуждённой. О том, что медицинские процедуры без независимого согласия могут быть признаны нарушением.

Слова были сложные.

Но смысл простой.

Вы можете выйти из этой клетки.

Каэль стоял у окна и молчал.

Его молчание давило сильнее любого спора.

Аурен будто специально не смотрел на него. Всё внимание

— Вере.

— Я не прошу вас принимать решение сейчас, — сказал он под конец. — Только помнить: у вас есть выбор.

Вера тихо спросила:

— А если я действительно опасна?

— Опасность не отменяет прав.

Она усмехнулась.

— В вашем мире всё так красиво звучит?

— В центральных мирах нас учат выбирать слова.

— А правду?

Аурен посмотрел на неё внимательно.

— Иногда это одно и то же.

Каэль негромко сказал:

— Обычно нет.

Аурен поднялся.

— Мы продолжим позже.

— Если я разрешу, — сказал Каэль.

— Если она захочет, — мягко поправил Аурен.

Он направился к выходу, но у самой двери задержался рядом с Верой. Очень близко не подходил. Голос снизил так,

чтобы слышала только она. Или почти только она.

— Вера.

Она подняла глаза.

— Да?

— Вы сказали, что пришли из другого мира.

Сердце болезненно ударило.

— И что?

Аурен посмотрел на Каэля, потом снова на неё.

— Я могу помочь вам узнать, что случилось с вашей прежней жизнью.

Вера перестала дышать.

— С Землёй? — прошептала она.

Аурен едва заметно улыбнулся.

— И с вашей дочерью.

Глава 10. Первая попытка побега

После ухода Аурена Дакса Вера долго стояла у окна и не двигалась.

За стеклом Арквейн тонул в ледяном дожде. Верхние платформы сияли холодным синим светом, нижние ярусы прятались в тумане, а над всем этим, как чёрный осколок, висел Молчаливый Ковчег.

Вера смотрела не на него.

Она видела Киру.

“Я могу помочь вам узнать, что случилось с вашей прежней жизнью. И с вашей дочерью.”

Эти слова не уходили.

Они стояли в голове, как открытая дверь.

До этого Вера держалась за одну мысль: выжить. Просто выжить. Не умереть второй раз. Не попасть под чужой суд. Не дать врачам разрезать память на части. Но теперь появилась другая мысль.

Кира.

Если Аурен знает хоть что-то... если у него правда есть доступ к сведениям о Земле... если можно узнать, жива ли там Вера, плачет ли Кира, ищет ли маму...

Она не могла просто ждать.

Ждать, пока Каэль решит, можно ли ей дышать.

Ждать, пока Совет и Астерра поделят её между собой.

Ждать, как ждала на Земле, пока Павел соберёт документы, характеристики и чужую версию её жизни.

Нет.

Вера повернулась к двери.

У входа, как всегда, стояла охрана. Двое мужчин в чёрной форме. Браслет на её запястье тихо мерцал, будто напоминал: не забывай, ты под наблюдением.

Она подошла к панели у стены.

Символы вспыхнули синим.

Вера не понимала их.

Но пальцы вдруг сами легли на край панели. Не туда, куда она хотела. Туда, куда знало тело.

Большой палец скользнул по невидимой выемке. Мизинец нажал на нижний знак. Запястье неприятно кольнуло.

Панель мигнула.

Дверь в основную галерею не открылась.

Зато за шкафом, почти бесшумно, отъехала узкая тёмная створка.

Вера застыла.

— Так, — прошептала она. — Спасибо, Лира.

Она не знала, благодарит ли мёртвую женщину или собственную удачу.

Может быть, одно и то же.

Она быстро оглянулась.

Комната молчала.

Стены слушали, но пока не кричали.

Вера взяла с кресла тёмную накидку, накинула на плечи и шагнула в скрытый проход.

Дверь закрылась за спиной.

Внутри было темно и тесно.

Не коридор даже — служебный ход между стенами. Здесь пахло пылью, металлом и старым холодом. Синих линий почти не было, только редкие тусклые точки у пола. Вера шла, касаясь рукой стены, и пыталась дышать тихо.

Сердце билось так громко, что казалось — охрана услышит его через камень.

“Вы не обязаны оставаться пленницей чужого военного долга.”

Аурен говорил мягко.

Павел тоже умел говорить мягко.

Эта мысль кольнула неприятно, но Вера оттолкнула её.

У неё нет роскоши выбирать идеального спасителя.

Ей нужен хоть какой-то шанс.

Проход вывел к узкой лестнице. Ступени были крутые, скользкие. Тело Лиры двигалось по ним увереннее, чем Вера ожидала. Ноги сами знали, где повернуть, где пригнуться, где не наступать на край.

Это пугало.

Чужое тело помогало ей бежать из чужой клетки.

Но кому оно помогало на самом деле?

Внизу вспыхнул слабый свет.

Вера осторожно выглянула.

Служебный коридор. Пустой. Справа — транспортная шахта. Слева — дверь с символом, похожим на три пересечённые линии.

Она сделала шаг.

— Леди Арден.

Вера резко обернулась.

Сэна стояла в конце коридора.

Невысокая, в серой форме, с бледным лицом и очень внимательными глазами.

Вера замерла.

— Ты меня сдашь?

Сэна посмотрела на скрытую дверь за её спиной. Потом на браслет.

— Уже должна была.

— Но не сдала.

— Пока.

Это “пока” прозвучало честнее любого обещания.

Вера шагнула ближе.

— Сэна, мне нужно выйти.

— Нельзя.

— Мне нужно найти Аурена.

— Тем более нельзя.

— Он может знать о моей дочери.

Сэна сжала губы.

Имя Киры она уже слышала. И, кажется, именно поэтому не нажала тревогу сразу.

— Посланник Совета не помогает просто так, — сказала она.

— А Каэль помогает?

— Командующий не обещает свободу. Это хотя бы честно.

Вера тихо рассмеялась.

— Удивительно низкая планка для доверия.

Сэна не улыбнулась.

— Там, снаружи, вас узнают.

— Я накину капюшон.

— Здесь ненавидят не платье. Здесь ненавидят ваше лицо.

Вера почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Я должна попробовать.

— Почему?

— Потому что если я не попробую, они все решат за меня.

Сэна молчала.

Долго.

Потом сказала:

— До нижнего транспортного узла идите по левой галерее. Не по центральной. Центральная под военным наблюдением. Если браслет начнёт греться — вы пересекли запретную линию.

Вера не сразу поверила.

— Ты помогаешь мне?

— Нет. Я просто не успела поднять тревогу.

— Сэна...

— И не благодарите, — резко сказала девушка. — Я всё ещё не верю вам.

Вера кивнула.

— Хорошо.

Она пошла к левой двери.

Уже у самого выхода Сэна тихо добавила:

— Если увидите серебряные ленты — не смотрите долго. Люди решат, что вы пришли полюбоваться.

Вера обернулась.

Сэна уже отвернулась и приложила ладонь к панели связи.

Вера поняла: времени мало.

И побежала.

Арквейн оказался слишком большим.

Вера поняла это, когда вышла из служебной галереи в широкий переход над пропастью.

Под ногами был прозрачный пол.

Она вскрикнула и вцепилась в поручень.

Далеко внизу, сквозь туман, двигались огни нижних платформ. Между ярусами скользили лифты — не кабины, а светящиеся вертикальные капсулы, которые падали вниз с такой скоростью, что у Веры закружилась голова.

Люди вокруг двигались быстро. Уверенно. Никто не смотрел под ноги. Никто не боялся высоты. Кто-то говорил с невидимым собеседником через имплант, кто-то проводил ладонью по воздуху и вызывал транспорт, у кого-то рядом летел маленький дрон.

Вера сильнее натянула капюшон.

Ей казалось, что все видят её.

Браслет на запястье начал теплеть.

Она свернула в боковой коридор, как сказала Сэна. Там было меньше людей, ниже потолки, тусклее свет. Стены уже не сияли чистым чёрным металлом. На них были царапины, следы ремонта, старые знаки, заклеенные новыми.

Верхний ярус заканчивался.

Город становился живее.

И грязнее.

Запахи ударили сразу: горячее масло, мокрая ткань, озон от проводки, какой-то пряный суп, человеческий пот, холодный дождь. Вера вдруг поняла, что до этого Астерра пахла для неё только больницей и металлом.

А здесь пахла жизнью.

У транспортного узла толпились люди.

Не аристократы. Не офицеры. Рабочие в плотных куртках. Женщины с сумками. Подростки с зелёными техническими метками у висков. Старик, продающий что-то горячее из переносного контейнера. Ребёнок в слишком большой шапке держал за руку мать и смотрел на светящиеся капсулы с вос торгом.

У Веры болезненно сжалось сердце.

Кира тоже так смотрела на метро, когда впервые увидела поезд без машиниста.

“Мама, он сам едет? А вдруг передумает?”

Вера остановилась.

Нельзя. Не сейчас.

Она подошла к панели транспорта.

Символы вспыхнули.

Она ничего не поняла.

— Ну же, — прошептала она. — Лира, если ты знала тайные ходы, должна знать и это.

Пальцы коснулись панели.

Ничего.

Браслет нагрелся сильнее.

Вера оглянулась.

Кажется, кто-то смотрел на неё.

Мужчина у стены. Потом женщина с серебряной лентой на рукаве. Потом подросток.

Она опустила голову.

Слишком поздно.

— Арден? — произнёс кто-то.

Слово прошло по толпе, как искра по сухой ткани.

— Это она?

— Лира Арден?

— Не может быть.

— Смотри на глаза.

Вера отступила.

Капюшон соскользнул.

Тишина вокруг стала страшной.

Потом кто-то сказал:

— Предательница.

Очень тихо.

Но слышали все.

Женщина с серебряной лентой шагнула к ней.

— Мой сын был в нижнем куполе.

Вера подняла руки.

— Я не...

— Не смей говорить.

Ещё один голос:

— Из-за неё погибла седьмая.

— Почему она не в камере?

— Почему она вообще дышит?

Толпа начала сжиматься.

Вера отступила к стене. Панель транспорта больно упёрлась в спину. Браслет на руке завибрировал часто-часто.

Тревога.

Поздно.

— Я не хотела никому навредить, — сказала она.

Это была ошибка.

Мужчина с ожогом на щеке резко бросился вперёд.

— Не хотела?!

Кто-то схватил Веру за накидку. Ткань треснула. Её дёрнули в сторону. Она ударилась плечом о стену.

— Пустите!

— У моей девочки не осталось ног!

— Мой брат сгорел в доке!

— Арден!

Слово стало уже не фамилией.

Приговором.

Вера пыталась закрыть лицо руками. Кто-то толкнул её. Кто-то плюнул. Боль вспыхнула в виске, когда она ударилась о металлический край панели. Золотая линия на запястье вспыхнула в ответ.

Толпа отшатнулась на секунду.

— Ведьма Арден!

— Она активирует!

— Держите её!

Вера рванулась в сторону, но не успела.

Чья-то рука сжала её волосы.

И вдруг всё вокруг прорезал резкий приказ:

— Назад!

Нокс.

Он влетел в узел как удар. С ним были трое охранников в чёрной форме. Люди расступились не сразу. Кто-то крикнул. Кто-то попытался удержать Веру.

Нокс ударил не оружием — металлической рукой в стену рядом. Панель треснула. Искры посыпались на пол.

— Я сказал назад!

Теперь расступились.

Он схватил Веру за плечо и буквально выдернул из толпы.

— Идти можете?

Она хотела ответить резко. Не вышло. Воздуха не было.

Руки дрожали, губа снова кровила.

— Да.

— Врёте.

Он подхватил её под локоть.

Не мягко.

Но и не так, чтобы причинить боль.

Вера заметила это даже в ужасе.

Толпа гудела вокруг.

— Почему вы её защищаете?

— Она убила наших!

— Отдайте её!

Нокс повернулся к ним.

— Она под приказом командующего.

— А наши мёртвые под чьим приказом?!

На секунду Нокс замер.

Вера почувствовала, как его рука на её локте стала тяжелее.

Этот вопрос ударил и по нему.

Потом он сказал глухо:

— Разойдись.

Не приказом капитана.

Просьбой человека, которому тоже больно.

Толпа не сразу, но начала отступать.

Охрана повела Веру к боковому проходу. Она почти не шла — ноги были ватные. Где-то сзади продолжали кричать. Золотая линия на запястье то вспыхивала, то гасла.

У самого поворота кто-то вдруг оказался рядом.

Невысокий человек в сером капюшоне. Лица Вера не увидела. Только голос — быстрый, хриплый, почти у самого уха:
— Лира знала, где спрятана правда.

Она замерла.

Нокс дёрнул её вперёд.

— Что?

Человек в капюшоне уже растворялся в толпе.

Но успел шепнуть:

— Найди нижний архив.

Вера обернулась.

— Подождите!

Нокс резко прижал её к стене, закрывая собой от толпы.

— Вы с ума сошли?

— Там был человек. Он сказал...

— Сейчас вы скажете это командующему.

— Нет.

— Да.

Его лицо было близко. Злое. Напряжённое. Но за злостью Вера увидела другое: он испугался, что толпа разорвёт её прямо у него на глазах.

Не за неё.

За приказ.

Наверное.

— Я не хотела, чтобы всё так...

— Вы вообще думали, что будет? — процедил Нокс. —

Или решили, что мир закончился дверью вашей комнаты?

Вера не ответила.

Потому что он был прав.

Она думала о Кире. О себе. О бегстве. О словах Аурена.

Но не о людях, которые увидят её лицо.

Они вывели её через технический проход к закрытой платформе.

Каэль ждал там.

Чёрная форма. Ровная спина. Ледяное лицо.

Только взгляд был таким, что Вера поняла: он уже всё знает.

Она остановилась.

— Я...

— Молчать.

Одно слово.

Тихое.

Страшное.

Нокс отпустил её и отступил.

Каэль подошёл ближе.

Вера приготовилась к крику, но он не кричал. Конечно, не кричал.

— Вы хотели свободы, — сказал он. — Вы получили пять минут.

Она сглотнула.

— Я хотела узнать о дочери.

Что-то мелькнуло в его глазах, но тут же исчезло.

— Ещё пять минут — и вас бы разорвали.

— Ваш дом тоже клетка.

— Да.

Ответ был неожиданным.

Вера подняла глаза.

Каэль смотрел прямо.

— Но снаружи вас ненавидят не меньше.

Она отвернулась.

Город за прозрачной стеной шумел внизу. Живой. Огромный. Раненый.

И теперь она знала: Каэль не преувеличивал.

Её тюрьма была ужасна.

Но за её стенами тоже не было свободы.

Только чужая боль с её лицом.

Глава 11. Нижний ярус

— Мне нужно выйти снова.

Каэль поднял глаза от прозрачного экрана.

Вера стояла посреди его кабинета уже десять минут. Сначала молчала. Потом ходила от окна к столу и обратно. Потом остановилась и сказала это.

Сэна, стоявшая у двери, едва заметно напряглась.

Нокс, как всегда, отреагировал быстрее всех:

— Вы издеваетесь?

Вера посмотрела на него.

После вчерашнего транспортного узла у неё болело плечо, губа снова треснула, на запястье под браслетом остался красный след. В волосах Сэна утром нашла засохшую кровь и молча убрала её влажной тканью.

Вера помнила толпу.

Лица. Крики. Женщину с серебряной лентой. Мужчину с ожогом на щеке.

“Почему она вообще дышит?”

Она боялась.

И всё равно сказала:

— Нет. Не издеваюсь.

Каэль медленно убрал экран.

— Вы вчера уже выходили.

— Я вчера сбегала. Это другое.

Роэн, сидевший в кресле у стены так свободно, будто кабинет командующего был его гостиной, тихо хмыкнул.

— Признание делает разговор теплее.

— Роэн, — сказал Каэль.

— Молчу. Хотя зря.

Вера не отвлекалась.

— Вы хотите, чтобы я сотрудничала. Проходила ваши проверки. Говорила, если что-то вспомню. Не пыталась сбегать. Хорошо. Но я не могу сотрудничать с миром, которого не понимаю.

Каэль смотрел на неё неподвижно.

— Вам объяснят.

— Кто? Вы? Нокс? Совет? Каждый из вас объясняет так, чтобы я согласилась с вашей версией.

Нокс шагнул ближе.

— Версия одна: из-за Лиры погибли люди.

— А я хочу увидеть этих людей живыми, — сказала Вера.
— Не только имена на Стене. Не только тех, кто меня ненавидит в толпе. Я хочу понять, как они живут. Почему ненавидят. Что Лира для них сделала. Или не сделала.

Нокс замолчал.

Роэн перестал улыбаться.

Сэна подняла на Веру глаза.

Каэль заметил это тоже.

— Зачем? — спросил он.

Вера не сразу ответила.

Потому что сама не знала точно.

Из-за подсказки? Нижний архив. Правда. Лира знала.

Из-за Киры? Потому что в толпе она увидела ребёнка и поняла, что этот мир тоже полон матерей, которые боятся потерять детей.

Из-за себя? Потому что ей надоело быть вещью, которую возят между залом, кабинетом и медицинским крылом.

— Потому что я не хочу снова убегать вслепую, — сказала она наконец. — Если я в клетке, я хотя бы должна знать, где стоят стены.

Каэль встал.

Он долго смотрел на неё, будто взвешивал не просьбу, а риски для планеты.

— Контролируемый выход, — сказал он наконец. — Средний ярус. Нижний — ограниченно. Охрана ря

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.